

Сергей Герасимов

Логика прыжка через смерть

«Автор»

Герасимов С. В.

Логика прыжка через смерть / С. В. Герасимов — «Автор»,

Перед вами — **ОЧЕНЬ** необычный образец «жесткой фантастики». Необычный — прежде всего потому, что жесткость ее заложена не в «научности», но — в яростной, сильной, откровенно мужской манере повествования. Потому что «стиль и почерк» Сергея Герасимова восходят к самым, пожалуй, бескомпромиссным книгам как российской, так и англоязычной научной фантастики — от «Звездного десанта» Хайнлайна и «Слэна» Ван Вогта до «Пикника на обочине» Стругацких. Безжалостный до беспросветности мир будущего, в котором осатаневшие от опасности и вседозволенности мальчишки в военной форме лихо пилотируют боевые звездолеты и с истинно юношеским азартом уничтожают себе подобных, имевших несчастье родиться «не такими, как положено» — мутантами, — выглядит у Герасимова, как ни странно, **ОБАЯТЕЛЬНЫМ**. Ибо жалкая и светлая искра человечности по-прежнему теплится во всех. Даже в людях...

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

1.	5
2	8
3	10
4	12
5	15
6	18
7	19
8	22
9	24
10	27
11	29
12	32
13	34
14	37
15	39
16	41
17	44
18	48
19	50
20	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Герасимов

Логика прыжка через смерть

1.

Земля. Северное полушарие. Дождливый июль 2102 года.

Информация:

Двадцатый век оставил после себя первые компьютеры и автоматические системы, ядерные станции и бомбы, память о сотнях миллионов замученных (не очень прочную память, как показала история), циклопические, но совсем ненужные сооружения вроде синхрофазатронов или атомных ледоколов, первые космические аппараты, первые успехи психологии, зачаточную медицину и производство пищевых продуктов, отставшее в развитии на две или три тысячи лет.

Людам, вечно занятым ведением войн, подготовкой войн или предотвращением войн (предотвращение обычно состояло в покупке новых танков – чтобы не оказаться хуже соперника), во все века некогда было подумать о хлебе насущном. Поэтому в начале третьего тысячелетия после Р.Х. семена и клубни так же сажали в возделанную почву, как и в начале третьего тысячелетия до упомянутого рождества.

Появились новые сорта и культуры, трактор сменил лопату, но суть осталась прежней.

К началу третьего тысячелетия половина человечества жила в грязи и в состоянии близком к скотскому, разве что умела читать; вторая половина считала себя культурными нациями, но вымирала от болезней сердца, желудка, мозга, кожи, костей и всего остального. Медицина не могла с гарантией вылечить даже насморк, но считала себя наукой. Тогда люди просто не знали, что такое настоящая медицина.

Пришло следующее столетие и сразу же сместило акценты. Прежняя тяжеловесная наука заблудилась в математических дебрях, которые сама же и вырастила; времена физики и техники минули безвозвратно; как-то совсем незаметно пришло понимание того, что уже давно расшифрованы человеческие гены – а значит, пожалуйста, изменяй, сколько хочешь. Попробовали изменить и сразу же исчезли шизофрения, гемофилия, наследственный алкоголизм и все болезни зубов. В первые же десятилетия века наследственные болезни оказались побеждены. Но было найдено и кое-что новое.

При манипуляциях с генами время от времени случались ошибки. Такие же ошибки делает и природа – она исправляет их с помощью естественного отбора.

Человек исправлял искусственные мутации направленно. Но некоторые из мутаций оказались полезными и не нуждались в исправлении. Например, совершенно случайно был выведен человек, ногти которого не удлинялись в течение жизни, но быстро отрастали после любого повреждения. Мутация была столь незначительной, что ее перестали исправлять, а матери, нежелающие стричь ногти детям, даже заказывали соответствующий ген. В результате человечество перестало стричь ногти. Строго говоря, человек нестригущий ногти, уже не был прежним гомосапиенсом ногтестригущим, а представлял его новую искусственно выведенную разновидность.

Эта философская тонкость пока никого не волновала. До поры, до времени.

Удобные мутации были открываемы буквально каждый день. Сегодня появляется ген, обеспечивающий прелестный изумрудный цвет глаз, завтра – дающий умение хорошо держать равновесие в сложной ситуации и даже бегать по канату, послезавтра – отвечающий за правильную форму носа. А вчера открыли такой, который, возможно, позволит хорошо запоминать

нать числа. Любой из генов можно было подарить уже завязавшемуся эмбриончику – и он тогда будет иметь желательное качество. Конечно, очень хорошие гены и стоили соответственно. Не всякому по карману купить для ребенка ген хорошей фигуры, поэтому толстеньких можно было встретить на улицах до самого начала двадцать второго – но то были в основном бедняки.

К середине двадцать первого люди вдруг обнаружили, что неизменных особей вообще не осталась (если не говорить о стариках, доживающих свой слишком долгий век), а измененные имели некоторые полезные качества и обязательно передавали эти же качества своим детям. Изумрудноглазые мамы искали изумрудноглазых папаш, чтобы потомство не потеряло прелестный ген изумрудноглазости. Говоря языком биологии, каждая измененная особь предпочитала спариваться с подобной себе. Это не могло не привести к возникновению каст и в начале семидесятых по всей земле стали греметь межкастовые войны. Примитивнейшая идея личного и расового превосходства снова будоражила умы. Она оказалась человекоядной, подобно большинству других массовых идей.

Новые воители были гораздо более правы в своих притязаниях, чем древние расисты. Если какой-нибудь допотопный Адольф утверждал, что в арийской крови больше гемоглобина (никто уже не помнит, что он утверждал на самом деле), то это было просто ерундой. Но даже такая ерунда поднимала на бой несметные полчища.

Полчища теряли головы (в обоих смыслах) влекомые самой древней и самой примитивной идеей человечества – идеей собственного превосходства. Теперь та же идея имела веские основания. Но попробуй определи кто лучше: самые мощные, самые сексуальные, самые пронырливые или самые умные. Если вы притесните пронырливых, они все равно обведут вас вокруг пальца, если самых мощных, они вас не станут слушать, из врожденной тупости. О сексуальных я и не говорю – просто страшно подумать, что может произойти.

Задача полного примирения оказалась нерешаемой в принципе. Все старые законы, происходящие еще от Римского Права и прошедшие тысячелетнюю проработку крючкотворами Северного Острова, а потом еще трехвековую проверку легкомысленными ребятами с американского материка, просто отказались служить.

Пришлось выдумывать новые; в новых законах было просто пруд пруди всяких неясностей и противоречий, недомолвок, плеоназмов и просто воды, а потому каждый законопослушный судья применял их как дышло. Законопослушные из самых пронырливых стали скупать эмбрионы прямо во чревах и прививать им самые интересные и неожиданные уродства. Благо, наука позволяла. Уродов использовали в основном для шоу. Некоторых – для шпионской работы. Спецуродов – для охраны, для ныряний за жемчугом, для добычи ядовитых руд и прочее. Спрос оказался велик. Пришлось изменять законы еще раз. Пока неповоротливое колесо юстиции сделало новый скрипучий оборот, четыре процента человечества превратилось удивительнейших уродов. Уроды потребовали для себя права называться искаженными существами и такое право получили.

Искаженные существа могли иметь самые причудливые телесные формы и особенности. Существовали расы с многократно ускоренным или замедленным темпом жизни, расы людей, способных к изменению своего облика – оборотни, обычно безобидные, – а некоторые квазичеловеческие существа даже могли летать или дышать под водой, как рыбы. Все эти разновидности человека обычно не терпели друг друга, а потому жили изолированно, на малых пространствах. Исключением осталась довольно большая область суши – почти десятая часть обитаемого мира – привычно называемая Осия. Осия образовалась там, где когда-то были сосредоточены основные производственные силы планеты – там, где разрушенная и отравленная природа не могла быть восстановлена. Экологическая смерть не превратила Осию в лунную пустыню: люди, которые не смогли воскресить природу, генетически изменили себя и научились жить в новых условиях. Ни один осиянец не мог покинуть свою родину, эту ядовитую язву планеты; ни один не-осиянец не мог проникнуть в Оссию.

Связь между двумя мирами прервалась полстолетия назад, что, впрочем, никого не волновало. Так не заботило древних отсутствие связи между человеком и дельфином, человеком и ящерицей, человеком и муравьем.

2

Весной 2102 года Коре было только двадцать три, но он уже участвовал в двух боевых полетах – второй полет, к Малому Облаку, прошел особенно успешно. В первом полете он участвовал в качестве стажера. Полет был в созвездие Треугольника, к маленькой звездочке номер двести двенадцатый. Звездочка имела планету, на которую, по данным разведки, высадился экипаж взбунтовавшегося крейсера «Моя Любовь». Бунтовщики, как казалось, угрозы не представляли, так как не были вооружены. Первая часть экспедиции прошла безалаберно и весело – никто и не сомневался, что сумасшедших мятежников изловят, доставят на Землю (хорошо помучив их по дороге) а там уже предадут игловой казни – как и положено.

Но дело обернулось иначе. Ребята с «Моей Любви» сумели уничтожить две трети личного состава и Коре, тогда девятнадцатилетнему, пришлось исполнять функции ведущего ячейки. Восставших так и не доставили на Землю, их уничтожили вместе с куском планетки. Коре представили к благодарности, отметили идеальную исполнительность, гармонично сочетающуюся с личной инициативой, отличную физподготовку и отсутствие ненужной жестокости.

Ненужная жестокость в те годы была просто бичом боевых групп. Солдаты, томящиеся от безделья по одиннадцать месяцев в году, бросались на любое развлечение. А человек кричащий есть развлечение преотличное. Воспитанные для боя, солдаты в каждом видели жертву и радовались страданиям жертв.

В дело вмешались психологи и вытащили на свет закон, уже давно известный:

Любой объект, малое воздействие на который может дать значительный эффект, вызывает интерес. Самым интересным стимулом такого рода является человек. Если в среде отсутствует информация о новизне или изменении, то человек стремится ее обнаружить, причем действует по отношению к стимулу так, чтобы увеличить стимуляцию.

То есть, бьет так, чтобы жертва громче кричала. Психологи прояснили проблему, но пока не видели путей быстрого решения.

А что же такого плохого в том, чтобы помучить уже обреченного, попинать его ногами разок другой, побрызгать ему в глазки кислотой и т.д.? – так спросите вы, если вы человек несведующий. А плохо то, что подобные занятия очень увлекают.

Увлечшись, человек даже забывает о сути и смысле задания, пропускает любые сроки и сроки старта, в том числе. В конце концов, столкнувшись с сильным противником, такие ребята гибнут и губят корабль.

Когда Коре попал в команду и отказался участвовать в каком-то безобидном развлечении (вкручивать штопор под лопатку, что ли), общей реакцией была групповая агрессия. Волна агрессии пошла на спад после того, как новенький повредил несколько ног, рук и ребер – никого серьезно не покалечив при этом.

Дело отложили до первого удобного случая. Но случая не представилось – в Треугольнике погибли два человека из трех. А после Треугольника Коре уже не был новичком.

После первого полета ему присвоили личную ценность, равную семи, и отправили в следующий. Следующий, к Малому Облаку, прошел без потерь. Несколько больших ребят попросовали было пристать к Коре, но трое суток провели в больнице. Коре с детства бредил звездами, морем и боями. Он был одним из лучших; и он будет лучшим, если доживет.

В мае Коре был назначен инструктором боевой подготовки на одной из баз Северного полушария. К июлю успел получить второе предупреждение за пренебрежение техникой безопасности. В оправдательном отчете он, совершенно справедливо, сослался на то, что некото-

рые упражнения не могут выполняться без риска для жизни: каждому известно, что возможности человеческого организма в принципе бесконечны, но расположены полосами и чередуются с полосами полной невозможности. Совсем как энергетические уровни в атоме. Ты можешь подняться на высший уровень, но только скачком. Так, например, нельзя пройти незащищенным сквозь полосу пламени, но ее можно одолеть одним большим прыжком; нельзя выйти в сальто над перекладиной со слабого маха, а с сильного – можно; выполняя удар fhfj! с малой скоростью, новичок ломает себе руку, но тот же удар в скоростном режиме ломает руку его сопернику; прыжок над пропастью смертелен, если ты прыгаешь нерешительно; два автомобиля, сталкивающиеся в лоб на большой скорости, сплющиваются в лепешку, – но если один из них ускорился еще в несколько раз, он просто сносит второй с дороги и остается цел. Логика прыжка через смерть.

А четырнадцатого мая в его группе появился Джимирик.

3

Отделение борьбы с психологическим терроризмом занимало третий этаж старого четырехэтажного здания. Этаж состоял из длинного коридора, на конце изогнутого в виде клюшки. На стенах коридора висели плакатики на самые разные темы; читая их, никакой случайный посетитель не сумел бы догадаться о сущности работы, которую вело отделение. Этаж освещался довольно тускло.

Агент номер 12, поднимаясь по лестнице, встретил незнакомого человека.

– Вы кого-то ищете? Позвольте мне вам помочь? – спросил он.

– Комиссию по очистке воды.

– Здесь такой нет.

– Но мне сказали здесь.

– На третьем этаже?

– На третьем, – Посетитель отвечал испуганно, но твердо. Похоже, не врал.

Агент номер 12 задал еще десятка два вопросов, которые требовалось задавать в подобных случаях и убедился, что посетитель не врет. Агент собаку съел на психологическом терроризме и не родился еще такой контрагент, который сумел бы его провести.

Посетитель начинал сильно нервничать.

– Мне будет очень приятно вам помочь, – сказал агент номер двенадцать. – Я думаю, что вы ничего не перепутали, но вам неверно указали адрес. Комиссия по очистке воды находится в корпусе Б, это соседний дом. Я сейчас позову человека, который вас проводит.

– Не стоит, спасибо.

– Нет, что вы... – агент набрал номер на браслете и вызвал дежурного.

– Дежурный на месте? Сюда, и оставить смену на входе.

– Я и сам найду, спасибо, – продолжал посетитель.

– Я это сделаю с удовольствием, – возразил агент.

Когда дежурный появился, агент отвел его в сторону.

– Проводишь этого человека в корпус Б и найдешь там комиссию по очистке воды. И не забывай улыбаться, дубина. Это твое последнее поручение. Ты уволен.

– За что?

– За то, что впустил постороннего. И не забывай улыбаться.

– Но у меня семья.

– Сейчас у каждого третьего семья, но это не повод.

– Я исправлюсь.

– Уже не справишься.

Покончив с этим делом, агент номер двенадцать поспешил в кабинет, предназначенный для совещаний. В кабинете его ждали восемь из одиннадцати членов группы ZZZZ. Один болен, – подумал агент номер 12, – а с оставшимися двумя я поговорю. Никакой дисциплины – плохо работаю.

Он начал совещание с малозначащих фраз, как обычно.

Агент номер семь прибыл с десятиминутным опозданием.

– Что случилось?

– Дежурный выбросился из окна. Говорят, его хотели уволить.

– Тело уберут. Садитесь.

Он зачитал распоряжение. Распоряжение пришло от военных, а с военными не поспоришь. Военным требовалось подготовить агента к проникновению на территорию врага. Машина уже провела все расчеты. Для работы требовалась одна условная человеко-единица, прошедшая обработку. Б00, базовая форма.

– У нас есть кто-нибудь с базовой формой? – спросил он.

– У меня есть один, – отозвался агент номер три, – но я не дам, я его месяц готовил.

– Идите и скажите это им сами.

Агент номер три промолчал.

– Всего один? Как его зовут?

– Кличка Джимирик.

– На уровне?

– Вполне нормален. Как все.

– Ну что же, – сказал агент номер 12, – Джимирик, так Джимирик. Не забудьте его списать по ведомости. И возьмите нового на складе. И не обижайтесь, такая у нас работа.

4

Джимирик внешне не отличался от остальных курсантов, подбираемых, как известно, из одинаковой человеческой группы, имеющих одинаковый вес, одинаковый рост, одинаковую комплекцию, способности, цвет волос, глаз и уровень интеллекта.

Этот человек просто не нравился с первого взгляда. Коре попросил заменить курсанта и получил отказ.

На первом же теоретическом занятии Джимирик вылепил из пластилина половой орган и поставил его на стол.

– Убрать! – приказал Коре.

Джимирик встал и засунул предмет себе в штаны, чем вызвал обоснованный смех большинства присутствующих.

– Подойдешь ко мне, – приказал Коре.

Во время самоподготовки Джимирик набрал кулинарный рецепт и послал его на все мониторы:

Рецепт кулинарный.

Залить в котилочек воды засыпать сто т ириса, добавить туда 7 шт. К... довести до кипения. зажарить в духовке его же и украсить его зеленью и овощами.

До блюда добавить соус и мозгов его же.

Разговора не получилось.

Джимирик явно напрашивался на хорошую расправу, но любая комиссия быстро установила бы, что он ни в чем не виноват. Курсанты имели личную ценность, равную единице, то есть, очень небольшую. Поэтому с ними разрешалось поступать очень вольно, но лишь в пределах устава. Коре уже прошел предварительную кодировку – поэтому он не мог нарушить устав.

На второй день Джимирик принес кошку (кошки в те года еще стоили недорого и даже иногда гуляли беспризорные), принес и запер в шкафчике. Животное рвалось и орало, всполошив весь нулевой этаж. Пришлось вызывать хозяина с занятий.

Джимирик пришел и стал открывать шкафчик. Оказалось, что он забыл код. Замок пришлось ломать; при этом пострадал техник, так как неожиданно включилась система охраны; у техника, пораженного электричеством, начался припадок.

Запертый в химподсобке, он перебил банки с химикалиями; произошло возгорание и система отключила и изолировала второй этаж. Этаж оставался изолированным еще семь часов, что нарушило расписание.

Однако, устав позволял хранить в шкафчике любые вещи.

Коре приказал выбросить животное; Джимирик взял кошку, приласкал и попросил зонт. Он не говорил ничего такого, к чему можно было бы придраться, – но сам его голос звучал как оскорбление. Коре не мог нарушить устава – как и все инструкторы, он был кодирован против нарушений. Он мог забыть устав, мог ругать устав, мог хотеть его нарушить, но сделать это на самом деле ему было труднее, чем вывернуться наизнанку. Кодировать психику научились еще в восьмидесятых годах, а в сотых делали это надежно.

Джимирик получил зонт, погладил кошку, притворно всплакнул, насмешив присутствующих, и пошел к лифту. На девятом этаже он привязал к хвосту животного зонт, раскрыл и сбросил кошку вниз – с зонтиком вместо парашюта.

– Вы приказали ее выбросить, – так объяснил он.

В этот же день все электророзетки были засыпаны песком и занятия пришлось отложить на два часа. Виновного не нашли. После первой лекции Коре нашел в своей сумке крысу с расплющенной головой. Анализ показал, что голову расплющивали тисками – теми, что в подвале, а сама крыса была явно из местной подвальной популяции. Отпечатки пальцев на тисках принадлежали трем разным людям, но среди них не было Джимирика.

Во время обеда Коре обнаружил в своей тарелке странные капли и, к счастью, не стал есть. Капли оказались ртутью.

– Этого достаточно, чтобы убить человека? – спросил он у лаборанта.

– Нет, но этого достаточно, чтобы подарить человеку головную боль на протяжении следующих двадцати лет.

В этот раз Джимирик имел алиби. За остаток дня произошли следующие события:

Коре на голову свалилась грязная тряпка, застрял лифт, кто-то взломал пустой кейс и помочился туда, унитаза оказались забиты и, как ни странно, дрожжами.

Под вечер Джимирика сильно избили за то, что он читал чужие файлы и оставлял там свои пожелания. Коре, уже начинавший вскипать, на время успокоился.

Может быть впервые в жизни он встретился с вещью, которая была вне пределов его понимания. Психология этого курсанта была так же темна и дика для обычного человека, как психология какого-нибудь инопланетного осьминога. Джимирик не играл и не притворялся; он жил своей привычной жизнью и делал то, к чему, видимо, привык. Коре не мог понять мотивов. Джимирик не имел враждебности ни к своему инструктору, ни к кому-либо другому. Он не был подкуплен или подослан – в этом случае его бы сразу раскусили на тестах. Он не получал никакой пользы от своих выходок. Он не доводил дело до конца, как в случае с ртутью. Но зачем было давить крысу или мочиться в кейс? Коре чувствовал себя так, будто столкнулся с чуждым разумом для которго дважды два всегда равно семи.

Когда на следующее утро он увидел Джимирика со стеклянной банкой на голове (курсант как раз рассказывал, что не может ее снять), он почувствовал, что сдерживаться уже не может.

– Подойди, – сказал он и заставил Джимирика поприветствовать старшего по форме, – нет, не нужно к врачу. Я и сам поставлю диагноз: голова в инородном теле. Видеть можешь? Тогда пошел работать.

Потом он объявил полевые занятия и заставил Джимирика лазить по стендам с банкой на голове. Курсант мог бы сорваться и упасть, но, к счастью, обошлось.

После занятий он приказал Джимирику отжаться сто раз, а потом разбил банку ударом ноги. Он объявил дополнительную тренировку и продемонстрировал на Джимирике захват uik!! от которого невозможно освободиться, и прижал новенького чуть сильнее, чем было нужно. Он хорошо услышал, как захрустели межпозвоночные диски. Джимирик упал и не смог подняться.

– Слабак, – сказал Коре, – поднимите его за ноги и руки. А теперь давите на спину. Вот так, уже вправили. Сейчас тренировка в парах. Удары серии G.

Начинаем с четвертого. Полный контакт.

Вспоминая этот момент позже, Коре не мог понять, как он принял такое решение. С поврежденной спиной Джимирик не мог защититься от четвертого серии G, а значит, был обречен. Устав запрещал подвергать курсантов смертельному риску, если этот риск не оправдывался оперативной обстановкой. Рассуждая логически Коре, с его полной подсознательной кодировкой, мог принять любое решение, кроме такого.

Так погиб Джимирик и Коре отстранили от тренировок.

Не то чтобы жизнь этих ребят дорого стоила, у них не было даже имен, только номера и клички, а номер четвертый из подготовительной группы, по кличке Джимирик, ничем не блистал, – просто Коре, как инструктор, показал свою неспособность и даже недисциплинированность. Последнее могло означать конец карьеры или штрафное задание.

Древние преувеличивали ценность человеческой жизни. Впрочем, это можно понять. Еще в начале двадцать первого каждого отдельного человека нужно было специально зачать, выносить, родить (обычно в муках), затем воспитать и дать ему образование. И только после двадцати или тридцати лет непрерывной заботы индивид становился полноценным человеком. И то не всегда. То, что такой порядок вещей неверен, нам доказывает не только логика, но и наблюдение за природой: например, хозяева океана – акулы поедают собственных детей и, тем не менее, остаются хозяевами океана.

Ценность человеческой жизни падала трижды: в первый раз после того, как женщины перестали рожать и выкармливать, подобно тому, как это делали животные.

Большинство людей стало рождаться в пробирке. Второй раз после изобретения нейропрограммирования и ускоренного обучения. Затраты на воспитание и обучение человека сократились примерно вдесятеро. В третий раз после введения единообразных обучающих программ. Исчезло понятие личности, с которым так носились древние – люди стали одинаковыми, совершенно заменяемыми и лишь получали разные типы профессиональной подготовки. Черты характера, темперамент, способности и прочие различия, столь важные для предков, уже не имели ни малейшего значения. Поэтому так мало ценилась жизнь новичка.

5

Из двух возможностей он выбрал штрафное задание.

– Какова вероятность моего возвращения? – спросил Коре.

Обычно со штрафного возвращался примерно каждый второй. И некоторые из вернувшихся не были пригодны для дальнейшей службы. Еще одним вариантом был медицинский эксперимент, но идти к медикам мало кто соглашался: после экспериментов подопытных латали и они выглядели как новенькие, а уже через несколько лет начинали сдавать. Были и такие, которые не хотели идти на штрафное – их просто увольняли и стирали всю более или менее секретную информацию с их мозгов. Стиралаи шоком; после шока характер человека всегда менялся.

– Ну, этого тебе никто не скажет. Меньше пятидесяти процентов и больше нуля.

– Насколько больше?

– С тобой идет еще один человек, хороший мастер. Он идет добровольно.

– Фанатик?

– Нет. Просто мастер.

Коре поднял глаза и встретил взгляд полковника – большие голубые глаза без тени чувства. Идеальный военный – машина для побед. Пройдет еще лет десять или пятнадцать пока я сам стану таким, – подумал он. – Если вернусь.

– Собственно, обсуждать нечего, – сказал он, – я, разумеется, согласен. Что это будет, в общих чертах? Придется лететь? Я уже соскучился по звездам и настоящей работе.

– Нет, это на Земле.

Он огорчился. Он по-настоящему любил звезды. Среди звезд сознание расширяется и все видимое пространство до самого края светящейся тьмы вмещается внутри маленькой коробочки черепа, не сворачиваясь при этом. Именно так он и чувствовал, глядя на звезды; еще маленьким мальчиком он убежал на берег ночного океана, чтобы ощутить это. Звездное небо. Отшлифованная до ясного блеска чернота.

– Что же такого особенного осталось на Земле? – спросил он. – Усмирение всяких жабродышащих? Или все-таки медицинский эксперимент? Под маркой настоящей работы?

– Проникновение на территорию противника.

– Вы можете назвать мне такую территорию?

– Осия.

– Но я ничего не знаю об Осии, – удивился Коре. – Я слышал, там реки из кислоты и радиоактивные вулканы. Там труднее выжить, чем на поверхности Луны.

Без скафандра, конечно. Это все равно, что в космос, только нудно, потому что не видно звезд. Впрочем, если тамошние аборигены носят скафандры, то мне легче будет смешаться с ними.

– Они не носят скафандров.

– Тогда почему они до сих пор живы?

– Когда оказалось, что экологические проблемы решить невозможно и природа изменилась окончательно, они генетически изменили себя, чтобы выжить.

– Разумное решение.

– Вполне.

– Так, если я правильно понял, эти люди не могут дышать чистым воздухом и пить чистую воду?

– Как раз поэтому с ними невозможно сотрудничать. Либо мы, либо они. Но им гораздо проще испакостить и уничтожить нашу природу, чем нам заново создать уничтоженное там.

Технически они безнадежно отстали, но потенциально они сильнее. Это как очаг заразы в здоровом организме.

– Очаг заразы может быть только в больном организме, – возразил Коре. – Это все? Меня забросят по воздуху?

– Нет. У них какой-то новый способ, о котором они предпочитают не распространяться.

– Такая секретность?

– Они просто сами не знают, что имеют. Могу кое-что добавить от себя, неофициально.

– Буду благодарен, – ответил Коре. Полковник не стал бы добавлять от себя такую информацию, которую можно получить по иным каналам.

– Я кое-что слышал о тех вещах, которыми они занимаются. Наши люди в этом не участвовали. Там орудуют паранормальщики. Вроде бы они построили себе базу на нейтральной территории. Но это не на Земле. И не в пространстве. Они называют это подреальность.

– Подреальность?

– Да. Только не спрашивай меня, что это. Там не очень опасно, потому что не с кем воевать. Народу мало и все свои. Но иногда попадается одна штука, они называют его глотатель. Это верная смерть.

– И многих он проглотил?

– Глотатель, я думаю, условное название. О нем ничего не знают, почти ничего. Он большой, килограмм двести, имеет примитивный интеллект, вроде человеческого. Даже может связать несколько слов. Никогда не нападает сразу, а долго ходит вокруг да около. Но если он начал ходить вокруг, то ты уже пропал – он не отстанет. Людей это просто сводило с ума.

– Хождение вокруг?

– Да. Но никто не сможет его опознать – он каждый раз выглядит иначе.

– Как один глотатель может выглядеть по-разному?

– Там у них свои закономерности. Дважды два там, конечно же, четыре и закон тяготения работает, а вот законы сохранения уже пропали. Не сохраняется ни масса, ни энергия, ни форма.

– Меня будут забрасывать через подреальность?

– Наверяд ли. У них есть еще что-то, похожее на неосвещенный тоннель, по которому ты можешь попасть куда угодно.

– Тогда зачем нужны космические крейсера?

– Проблема в том, что ты не можешь прийти к концу тоннеля целиком. Или что-то вроде этого. Если после перелета от крейсера останется одна антенна, то сам понимаешь.

– А если от меня останется одна берцовая кость?

– Тябя заменят. Я бы не хотел, чтобы так случилось. Поэтому и говорю тебе все. Они же ни о чем не станут тебя предупреждать.

– А как в этом тоннеле с глотателем?

– Не знаю. Вроде бы он там везде. Он даже притащится за тобой сюда и проглотит тебя в твоём собственном доме, потом, когда ты и думать забудешь о задании. Так что желаю не попадаться.

...Он вышел из здания. Сегодня на улице показывали «Улисс в Трое», живой исторический фильм. Огромные экраны телевизоров канули в Лету еще во времена детства родителей Коре – и снова входили в моду как «ретро». Телевизоры были заменены живыми фильмами. Сейчас все говорили о видеокраске, но новшество пока лишь испытывалось. Пробные версии продукта уже поступали в продажу и пользовались большим спросом. Видеокраской просто раскрашивались стены любого помещения и это давало хороший эффект присутствия. Правда, изображение пока было необъемным и без гравитационных эффектов. А живые

фильмы обычно шли на открытом воздухе, на улицах или в парках, хотя могли быть показаны и в комнате.

На улице всегда шел какой-нибудь фильм – но фигуры были полупрозрачны, чтобы зрители могли отличить видение от яви.

Улисс выбежал прямо на Коре, зарубил двоих по пути, присел, уклоняясь от копья (Коре увидел стремительно выросший медный наконечник, пролетевший прямо через его глаз); упал и притворно застонал; на него бросилось еще трое осмелевших врагов; все трое пали.

Неплохо дерется, – подумал Коре об актере.

6

Домой он вернулся вечером. Когда он входил в комнату, две ходиковых лампы резвились, гоняясь друг за другом по потолку, но увидели хозяина, централизовались, замерли и засветились ровным молочным светом. Робот-мышь для уборки помещений шмыгнул в свою норку и затаился, ему не полагалось показываться на глаза людям. Ожил пульт и замигал кнопочками, предлагая выбрать любую.

Пульт был сконструирован так, что получал удовольствие от прикосновения человеческой руки. Иногда Коре просто гладил его и пульт мурлыкал. Психологи говорят, что это расслабляет. Действительно, расслабляет.

Коре сел в кресло и развернул текст инструкции. Одна из ходиковых ламп подбежала по стене, устроилась за плечом и приготовилась читать вместе с человеком. Вторая погасла.

Он прилежно изучил инструкции. Инструкции были удивительны: в них не содержалось почти ничего конкретного. Это настораживало. Проникновение. Метод фантома. Рабочий блок номер сто сорок ИПЯ – института паранормальных явлений.

Все, что Коре помнил о паранормальных явлениях – это прошумевшая совсем недавно теория о возможности связаться с недавно умершим человеком. Техническое воплощение теории блистательно провалилось. А вот и нечто нужное. Аппарат величиной с маленький мячик – с помощью него можно будет вернуться. Совсем краткая инструкция для пользователя. Один мячик для двоих – разделяется на полусферы. Для возвращения достаточно повернуть ключик. Ключиков тоже два.

Никаких дополнительных возможностей. Здесь что-то не точно: подобные аппараты всегда многофункциональны. Посмотрим. Возвращение лишь спустя сутки после прибытия, не раньше. Первые сутки аппарат дезактивирован. Что, если я провалюсь в первые же сутки? Надо понимать так, что, мол, тогда выкручивайся как хочешь? Цель проникновения – информация. Информация о чем? Ага, подробности по прибытии. Знакомство с партнером только перед самым началом операции. Степень секретности – нулевая, то есть, ни туда, ни сюда. Скорее всего степень секретности засекречена сама и это ничего хорошего не означает.

Он отложил четыре листка с инструкциями.

– Покажи что-нибудь! – приказал он.

Пятно видеокраски на стене оживило и начало показывать испытания нового военного самолета. Изображение мерцало – качество краски было никудышним.

Наверное, даже телевизоры работали лучше.

7

Большая серая комната, почти зал, с окнами в полстены. Первый этаж двухэтажной пластиковой коробки. И еще восемь этажей вниз. Восемь, судя по лифту. Рабочий блок номер сто сорок института паранормальных явлений. Где-то по планете разбросаны еще, как минимум сто тридцать девять. Сто тридцать восемь, – вспомнил Коре, – четырнадцатый блок ликвидирован после аварии. Если верить прессе, ничего страшного не произошло: медик по имени Дулди сделал открытие, сошел с ума, умер, открытие поспешно испытали и бестолку. Само открытие, как то часто бывает, совершилось лишь благодаря курьезному стечению обстоятельств. Некий медик, по имени Дулди, потерявший в аварии ногу, продолжал ногу ощущать и даже питал к ней нежные чувства. Всему виной был легкий болевой шок, повредивший психику медика Дулди. Когда у Дулди начался сепсис и ногу необходимо было ампутировать, ему предложили два варианта: первое – ампутация и, конечно, потеря положения в обществе, или выступление в Ужас-Шоу по второму общему каналу. Медик Дулди выбрал второе (как любой нормальный человек), потому что выступление в шоу позволяло надеяться на пожизненную пенсию. Участников шоу было четверо; каждый из них под пристальными взглядами миллионов зрителей отпиливал себе конечность столярной пилой. Правда, мало кто из зрителей знал, что конечность все равно приговорена к ампутации. Это была единственная подтасовка – все остальное всерьез и честно. Процесс ампутации и лица участников постоянно показывались крупным планом. Но главный фокус был в том, что пожизненную пенсию выигрывал лишь один из четырех участников – тот, который больше других понравился зрителям. Во время операции на самих себе участники должны были весело шутить, рассказывать анекдоты и пр. Обычно побеждал тот, кто казался веселее. Перед началом шоу четверым участникам демонстративно впрыскивали вещество, блокирующее действие любых анальгетиков – так что обман просто исключался.

Медик Дулди победил в шоу просто блистательно, хотя и начал заговариваться на последних минутах. Заговариваться он продолжал и в последующие несколько дней (жизнь победителя продолжала освещаться вторым общим каналом), а потом понял, что любит свою умершую ногу. Во сне нога являлась к нему и бегала по полу, потолку и стенам. Нога прыгала по клавиатуре и пальцами набирала слова и формулы. Некоторые из слов и формул медик запоминал и записывал, проснувшись.

Он настолько полюбил собственную несуществующую ногу, что даже отказался от биопротеза. Тогда-то его поведение и привлекло внимание психиатров. В лечебнице медик Дулди стал быстро чахнуть и скончался. Отходя в мир иной, он надеялся на скорую встречу с любимой деталью собственного тела. Записи, сделанные умершим, просмотрели и нашли в них определенную логику. Был создан аппарат, напоминающий обыкновенный телефон, с той только разницей, что предназначался он для связи с потусторонним миром. После первого же сеанса связи в здании блока номер четырнадцать произошел выброс вредного вещества. Уже через несколько минут здание блока изолировали, засыпав горой полимерного бетона – и таким образом похоронили и тайну, и занимавшихся ею людей.

Коре был уверен, что после того случая институт паранормальных явлений перестал существовать. А он, оказывается, имеет целых сто сорок блоков.

Многовато для института, который занимается только голосами умерших родственников. Впрочем, это не наше дело. Коридоры и комнаты выглядят запустелыми. Оборудования почти нет.

У окон стояли несколько машин и медленно разворачивался колесный грузовик с откинутым задним бортом. В кузове стояли ящики с пивом. Грузовики, ящики, неквалифицированный персонал, отсутствие охраны на входе – определенно, маскировка. Серый, опухший

человек запирает замок на воротах и все никак не может запереть. Грязь, слякоть, настоящая осень, хотя только конец первого летнего месяца.

– Кельвин, – представился невысокий улыбчивый человек. – Твой партнер и, надеюсь, товарищ.

Лицо располагает. «Кельвин» – конечно же, ненастоящее имя, слишком просто.

Судя по голосу – профессионал. Ценность не меньше пятидесяти. Все индивидуальные особенности голоса стерты – голос такого не запомнишь и не узнаешь. Идеально контролирует собственную мимику.

– Я тоже надеюсь, – сказал Коре, и надеюсь, что ты немножко больше меня знаешь об операции. Как нас собираются забросить?

– Какая тебе разница?

– И все-таки?

– Они называют это «Метод фантома». Забрасывать будут не тебя, а лишь твой психологический слепок. Он сольется с психикой какого-нибудь местного жителя и наслонится на нее. Ты будешь и собой и несобой одновременно. Но внешне неотличим от аборигена. Главное – ты сразу будешь знать все о местной жизни и потому не проколешься.

– Это точно?

– Точно, но вот на столечко, – Кельвин показал щепотку. – Это совсем новая техника, мы только начинаем работать с потусторонними явлениями. С девятнадцатого века наука потусторонним не занималась. Теперь приходится нагонять.

– Потусторонним?

– Перенос фантома возможен только через т о т мир. Там ты пройдешь дважды: вперед и назад, туда и обратно. Прыжок через смерть, так сказать. Это как тоннель подземного сообщения: темно, но нестрашно и удобно. Тот мир мы называем антиреальностью.

– Я до сих пор не был уверен, что тот мир существует, – сказал Коре. – Я слышал только историю о медике Дулди. Там такая же реальность, как и у нас?

– Такая же, только вывернута наизнанку. Собственно, никто толком не знает.

Мы хорошо изучили только пограничную полосу между мирами. Вот туда мы можем ездить свободно, как на курорт. Пограничную область мы называем подреальностью.

Там не скучно. Например, если ты нарисуешь чертика здесь, то в подреальности он оживет. Скоро увидишь своими глазами.

– А как насчет глотателя?

– Впервые слышу о таком. Ладно. Еще сегодня встретимся в Осии.

Говорит так, что хочется поверить. Впервые слышит он, как же.

– Приятно будет подышать настоящим сернистым газом или глотнуть цианистого лимонада, – попробовал пошутить Коре, – Те немногие, которые дышали или глотали, успевали вскрикнуть от удовольствия, но уже ничего не рассказывали. Ты уже там бывал?

– Там еще никто не бывал, кроме животных. Но все животные благополучно возвращались.

– Животные не могут рассказать. Можно было послать автоматическую подделку под человека.

– Автомат не имеет психики.

– Тогда можно поймать тамошнего жителя и завербовать. Это же проще.

– Ты еще не имел дела с искаженными существами?

– Только раз, с замедленными. Вполне противные твари и, кажется, не поддаются дрессировке.

– С этими то же самое. Они сконструированы так, что способны предать кого угодно и что угодно, только не общую идею.

– Веселенькие ребята. А что у них за идея?

– Идея часто меняется, но принцип остается.

...Опухший человек наконец-то справился с замком, поднял задний борт грузовика, сел в кабину. Грузовик продолжал кататься вперед-назад, пытаюсь развернуться. Кажется, дождь почти перестал. А по прогнозу должно быть ясно и тепло.

– Ты не слышал прогноз?

– Пристегнись, – сказал Кельвин и начал пристегиваться сам.

Два кресла выдвигаются из стены и прячутся в стену. Судя по сиденью, я далеко не первый человек, которого перебрасывают. Кельвин сел, не глядя, и его пальцы сразу нашли ремень. Он ожидает, что я поверю в сказку о том, что никого до меня не забрасывали? Ты сам ходил туда раз десять как минимум.

– Последний вопрос: что станет с моим временным трупом здесь, если фантом не вернется?

– Превратится в постоянный, я думаю, – ответил Кельвин.

– Люблю постоянство.

Техник сделал непроницаемое лицо и склонился над генератором. Второй осмотрел округлый предмет и поместил его на предметный столик. Он чему-то улыбался левой стороной лица.

Генератор включился на несколько секунд, загудел охлаждающий вентилятор и снова умолк. В тишине стало слышно, как дождь барабанит по карнизу. Грузовик все еще ерзал во дворе.

– Все?

– Я думаю, все. Попробуй включить.

Еще несколько непонятных фраз на техническом жаргоне.

– А вдруг там?..

– А вдруг там голос твоей покойной бабушки? Все может быть. Там может быть даже голос Архангела Гавриила. Или голос зеленого марсианского человечка.

Ребята, готовы? Стартуем.

Кто такой Архангел Гавриил? – подумал Коре. – Наверное, кто-то из заброшенных раньше. Интересное у него имя, но странное. Таких имен мастера не носят – слишком запоминается. А вот на Марсе никогда человечки не водились. Ни зеленые, ни желтые. Почему у них неверная информация?

И мир взорвался.

8

Он попробовал пошевелиться и сразу понял, что тела больше нет. Жил лишь мозг, лишь разум или душа, или что там есть внутри мозга? – молекула вечности.

Стало страшно, но от страха не забилося сердце – и тогда стало еще страшнее. Он крикнул и услышал свой крик, и немного расслабился. Нет, это был не звук, но это было нечто, отличное от ничто. Нечто, отличное от ничто, так только я мог подумать, – подумал он и окончательно успокоился. – Если сейчас я душа, то похоже, что душа бессмертна. Какая разница, в каком виде существовать?

Темнота пульсировала.

Ему показалось, что вдалеке, очень далеко, так далеко, как никогда не бывает в мире живых, всплывает серое мерцание. Он попробовал приблизиться и мерцание приблизилось. Ощущение напоминало свет, но не было светом. Серое мерцание напоминало вытянутое яйцо, его поверхность неравномерно колебалось.

– Эй! – сказал он и ощутил свой оголос одновременно в себе и во всей черноте окружающей бездны, – ты меня слышишь?

Яйцо исчезло, как показалось Коре, убранный большой рукою; он ощутил, что темнота течет – из тьмы появилось черное существо в полтора человеческих роста.

Оно имело почти человеческую анатомию: ноги, руки, правда, с перепонками и на каждой по три пальца. За спиной нечто, похожее на развевающийся плащ. Морда наполовину состоит из открытого рта с тонкими губами. Во рту штук шесть длинных и тонких как шилья зубов. Такими невозможно жевать. С таким ртом можно глотать только манную кашку. Усы, похожие на кошачьи. А вся морда напоминает мышиную.

Кожа гладкая, черная, с желто-зелеными бликами – будто от света, но света нет.

Возможно, он светится сам. Неприятная зверушка. Надеюсь, она не кусается.

Зверушка посмотрела на Коре, но без всякого интереса, зевнула, открывая пасть еще шире, и уплыла вдалеке.

– Кельвин? – спросил он. – Ты здесь?

– Я рядом.

– Что это было?

– Черт его знает. Здесь иногда появляются такие. Но никто не знает, опасны они или нет.

– Мы здесь долго будем висеть?

– Здесь нет времени. Мы можем провисеть секунду или вечность по нашим внутренним часам. Это не имеет значения. Обычно не больше часа; но это субъективное ощущение.

– И ты говорил, что никто никогда здесь не был?

– Разве я говорил?

– Если нам все равно здесь час сидеть, – сказал Коре, – может быть ты познакомишь меня с заданием? Кажется, здесь нас никто не сможет подслушать.

– Наверняка подслушает, только неизвестно кто. Может быть, мы сейчас кому-то снимся.

– Тогда скажи, – спросил Коре, – какие наши интересы там? Только профилактика? Или что-то серьезнее?

– Серьезнее.

– Что?

– Многое. Например биологические испытания. Не станем же мы испытывать биооружие на себе. Они тоже пытаются испытывать на нас – так что все справедливо.

– Опять какая-нибудь молниеносная чума?

– Нет, ты несправедлив. Всякая замечательно молниеносная чума давно придумана и испытана. Мы работаем гораздо тоньше. Скажи, что тебе больше всего досаждают в жизни?

– Мне ничего не досаждает.

– А если подумать? Вещи, над которыми ты не властен?

Коре задумался.

– Меня мало что может вывести из себя, – сказал он, – но иногда мне приходится балансировать на грани. Больше всего мне досаждают некоторые люди – я с ними работаю, рядом живу или случайно встречаюсь. Есть такие, которые лезут в приятели, а сами последние сволочи; некоторые рады нагадить тебе прямо на стол и делают это при каждом удобном случае. В переносном смысле, конечно. Меня раздражает то, что с ними нельзя справиться. Юридически они невиновны. Если я, например, размажу по столу их физиономии, они подадут на меня в суд. И будут правы. Приходится с ними общаться – но это все равно, что иногда питаться экскрементами вместо энергетических таблеток. Ты это имел в виду?

– Почти. А теперь представь себе то же самое, но удесятеренное. И представь, что каждый третий или второй вокруг тебя – такие. В твоей семье, твои напарники или члены группы. И каждый день они делают одно и то же – с тупостью мухи, которая садится тебе на лоб. Рано или поздно ты сорвешься, а если не сорвешься, то начнешь нервничать и потеряешь свой класс. В ответственный момент такой попадется тебе под руку – и ты ошибешься. А это как раз то, что нужно твоему врагу.

– Но это трудно подстроить.

– Ничуть. Большинство телесных болезней сейчас лечат. С психическими тоже научились справляться. Идиотов и маньяков в крайнем случае изолируют. Но болезней нравственных вроде бы не существует. Но они ведь встречаются на каждом шагу; они заразны; они дают эпидемии. Любая война это эпидемия нравственной болезни. А то, о чем ты говорил, называется у нас «нравственный кретинизм». М-кретинизм, сокращенно. Это обыкновенная болезнь, которой можно заразиться. Одна из многих подобных. Этим занимается целое управление по борьбе с психологическим терроризмом. Конечно, ребята работают не только по М-кретинам.

По М-кретинам больше работает группа ZZZZ.

– И многих уже заразили?

– Не мало. Но там, куда мы идем, зараженных всего шестеро. Шестеро М-кретин, зато все чистопородны. Класика болезни. Приедем – ты их увидишь.

– Это связано с заданием?

– Может да, может нет. Но все равно ты с ними столкнешься. Мимо не пройдешь. Мимо таких не проходят.

– Подожди, я подумаю, – сказал Коре. – Если заразить половину парламента или каждого пятого в генеральном штабе? Ну, генералы просто пойдут в рукопашную, это обычное дело. Сенаторы тоже способны к мордобою. А если заразить всех? Но, если М-кретин придет к диктатуре? Было же два случая еще в двадцатом веке? И еще два в двадцать первом? Лучше уж сразу взорвать нашу маленькую планетку.

Меньше будем мучиться. Ты меня слышишь? Ау!

Темнота молчала.

– Ты молчишь или тебя нет? Ответь!

Молчание.

И в этот момент черный мир вдруг лопнул как мыльный пузырь.

9

Мир лопнул как мыльный пузырь.

Он оглядел странный пейзаж.

Мозг был как вокзал, битком набитый пестроодетыми переселенцами – и каждый орал на собственном языке. Память будто разбили на шестеренки и половину шестеренок выбросили. Да еще добавили чужого мусора.

Здесь меня зовут Арей, – вспомнил Коре. Пямять состояла из причудливых пятен своего и чужого прошлого. Я помню этот мир. Я помню что небо здесь иное, зеленое, а звезды по ночам горят красным и освещают красным каменную пустыню. Я помню, что над горизонтами здесь всегда серое кольцо. Я помню, что здесь не бывает дождей, и почти нет ветра, что в этом мире есть большой дом, на крыльце которого моя мать запускала для меня механическую ящерицу. И еще я помню, что то была не моя мать и то был не я. Я не помню вкуса шоколада, я не помню своего имени – того, настоящего, я помню обоих своих отцов, но не знаю кто из них кто.

Я помню много чужих лиц, дат, имен и названий – но не помню и половины того, что мне нужно. НАСЛОЕНИЕ ПАМЯТИ – так они это называют. А вот это помню. А вот эта штука вернет меня обратно, – он нагнулся и поднял блестящий предмет величиной с яблоко – главное, не потерять его. А вот эта женщина рядом со мной – это и есть Кельвин. Но, черт возьми, почему он воплотился в женщину? Хотя, мне никто не обещал мужчину. А они ведь не соврали – местность мне знакома.

– Ау, Кельвин, это ты? – спросил он. – Знаешь, а ты симпатичный. Ты, случайно, не замужем? Это было бы досадно.

Женщина не была симпатична. Стоя с ней рядом, Коре чувствовал инстинктивный страх нормального перед искаженным существом, находящимся вблизи. Психологи пока не объяснили природу этого страха – они говорили о том, что человек подсознательно реагирует на измененное существо, как на грубое нарушение природных законов, понятных ему. Так животное пугается робота, пьяного или сумасшедшего. К присутствию искаженного нужно постепенно привыкать. И так Кельвин наслоился на тело женщины. Думаю, это не последний сюрприз.

Кожа женщины была неестественно бледна, с синевой, и местами просвечивалась, как тонкая ткань. На лице не было бровей и вообще даже намек на волосы. Коре подумал, что аккуратно заколотые волосы на ее голове – на самом деле парик. Женщина поднесла руку к щеке и сказала слово на незнакомом языке – задержавшись на мгновение, сознание перевело слово и язык стал своим. На ее пальцах не было ногтей. На моих тоже нет, – подумал Коре, – сейчас она должна испугаться. Я выгляжу так же странно. Потом она вспомнит, посмотрит на свою руку и все поймет.

– Что это? – спросила женщина и ее зрачки расширились от страха. – И что мне теперь делать? Что?

Ее глаза были нечеловеческого, золотистого оттенка, со зрачками, вытянутыми в ниточку. Как у хищника. Но сейчас зрачки стали большими.

Коре разделил шарик на две части и протянул половинку женщине. Две части прибора для двух человек. Каждая вернет своего хозяина в его собственный мир.

Если только сработает.

– Как тебя теперь зовут? – спросил он.

Женщина отпрянула.

– Да ну ладно, хватит, мы теперь оба выглядим одинаково. Я бы хотел посмотреть сейчас в зеркало. Особенно посмотреть на свои глаза. От твоих просто бросает в холод. Так ты вспомнил имя?

– Оксана.

– Самое дикое имя, которое когда-либо слышал. А меня Арей – не меньшая дикость. Странно говорить на чужом языке, правда? Ну не притворяйся, enough of this!

– Что? – снова спросила женщина.

Коре повторил фразу.

Она явно не понимала по-английски.

– Значит, ты не совсем Кельвин, – сказал Коре. – Над этим стоит подумать. Но лучше побыстрее уйти куда-нибудь в безопасное место.

Мы попали не совсем в яблочко. Потом объясню. Здесь могло измениться все. Я не знаю какие зверюшки обитают в этом уютном мире.

– Но я ведь была на берегу реки? – спросила Оксана. – А где же река?

Кажется, это вообще не земля, это другая планета. Ой, мамочки.

Небо над их головами было серым с синевой, полупрозрачным; мутное зеленоватое солнце бросало яркие лучи на мертвый грунт и от этого грунт будто оживал, чуть зеленея. Коре показалось, что он видит мох; он нагнулся, но сухая пыль рассыпалась в его пальцах. Холмы были покрыты мертвыми лесами: деревья стояли плотно и, кажется, в том же порядке, в каком должны стоять деревья нормального мира, но голые, без листьев и коры – светло-серые, гладкие, блестящие. Целые – до единой маленькой веточки. Дальние холмы тоже покрыты мертвым лесом, над лесом зеленоватая муть и кажется, что кошмар кончается там, у кромки горизонта, где зеленоватая муть обманывает глаз иллюзией жизни. И кажется, что муть плывет, и кажется, что ты посажен в громадную бытыль из зеленого стекла, в бутылки сигаретный дым, и солнце освещает бытыль косо и насквозь, и пробка в бутылки, и нет из той бутылки выхода.

– Даже мелкие веточки остались, – заметила Оксана, – ой, Господи!

– Значит, здесь нет бактерий и нет гниения. И ветра тоже нет.

– Мы что, на Марсе?

– Ага, и я зеленый человечек. На Марсе нет деревьев, это знают двухлетние дети. Не волнуйся. Мы дома. То есть, поблизости дом половины меня.

Не могу сказать точнее, извини. Дом второй половины остался за тридевять земель. (А что означает числительное «тридевять»? – удивилось его второе Я)

Но все равно, места родные. Я узнаю местность, вон те развалины раньше были мостом. Там проходила трасса. Судя по виду обломков, мост разрушился лет тридцать назад, но не больше пятидесяти. Вон там... Он запнулся, язык не решался произнести столь странное название. Вон там Ыковка, в той стороне, километрах в двенадцати. Так деревня называется, у половины меня в Ыковке дача.

Построена из настоящего кирпича – трудно даже представить. Там сейчас люди, если только в таком мире могут жить люди.

Оксана осматривала свою одежду:

– Ну, не сама же себе я сшила такой жуткий балахон? У меня бы рука не поднялась так себя уродовать. Значит, люди есть.

– Точно, люди тут есть, – сказал Коре, – а люди должны чем-то питаться.

Значит, и звери тут есть.

– Звери?

– Саблезубые мамонты, например.

– Не надо мне таких шуток, – испугалась Оксана.

Эта женщина знает смысл слова «мамонт», – подумал Коре, – значит, ее учили не по стандартной программе. Или проходила спецподготовку. Но спецы никогда не будут так нервничать. Не сходится.

Он внимательно осмотрел местность. Визуально – опасности нет.

– Ты где училась? – спросил он.

– В школе и все.

– По какой школе?

– Не по какой, а в какой.

– Тогда я чего-то не понимаю.

– Не понимаешь, так и не спрашивай.

– Логично.

Рядом, у самых ног, был неглубокий овражек, занесенный песком до половины.

Овражек уходил в сторону густого неживого леса, поворачивал под прямым углом и терялся в зарослях. На песке – полузанесенные следы гусениц, – может быть, трактор, может быть, танк.

– Это река Хворость, – вспомнил Коре. – Бывают же такие названия.

– Где?

– Да вот этот овраг. Здесь раньше текла река. В этой реке дедушка местной половины меня купался, когда был молодым. Местная половина хорошо помнит фотографию. Берега еще не полностью осыпались. Интересно, куда она пропала?

– Ничуть не интересно, – сказала Оксана, – я хочу домой.

– А где твой дом?

– На Сумской.

– Где?

– Это такая улица.

Насколько знал Коре, улицы везде и всегда называли только номерами.

– Девочка, в каком году ты родилась? – спросил он.

– В девяноста третьем.

– Тогда тебе всего девять лет, – сказал Коре, уже предчувствуя новую неприятность. Сначала женщина; потом женщина, даже непомнящая языка; потом еще окажется, что Кельвин нахлобился на тело и мозг женщины столетней давности.

Так всегда бывает при сбое сложной программы – оказываешься черт знает где и черт знает с кем.

– В тысяча девятсот девяноста третьем, – уточнила Оксана.

Оксана представила себе дом, себя на кухне, приготовляющую блины, сметана пахнет так вкусно, хочется зачерпнуть ложкой, на голове косынка и из-под косынки выбилась прядь, прядь щекочет переносицу, а муха бьется в стекло головой.

Неужели это никогда не повторится? Ну неужели?

10

– Я хочу домой! – повторила она.

– Домой ты отправишься обязательно, но через двадцать три часа с минутами, – обнадежил Коре, – быстрее не получится.

– Почему не получится?

– Так устроен аппарат.

– Ты его сам делал?

Боже мой, с кем приходится иметь дело.

– Да, – соврал Коре. Фантом Кельвина наслоился на психику женщины, жившей век назад. Она ничего не помнит, значит не помнит и задания. Возможно Кельвина уже просто не существует. Его временный труп превратился в постоянный.

Сажем, душу напарника унесла зверушка трехметрового роста с шестью зубами в пасти. Хватать и нести такими зубами получится хорошо. Интересно, куда она его отнесла?

– Да, я его сам сделал.

– Так лучше надо было стараться! – закричала Оксана.

– Без истерик. Через двадцать три часа ты уйдешь отсюда домой, – снова соврал он, – А пока давай посмотрим. Это же совершенно новый мир – мир без растений, без зелени. Здесь пищевые цепочки должны начинаться с нефти, например, или с каменного угля. Какие-нибудь существа, которые питаются нефтью, потом их пожирают хищники, а хищников люди – примерно так.

– Я ухожу!

– Куда?

– В Ыковку! Ты сказал, что есть такая деревня.

– Сама? Почему не со мной?

– Ты мне осточертел!

– Иди.

– И пойду!

– А знаешь, что самое страшное в новом мире?

– Ну?

– Это люди, которых ты не понимаешь.

Оксана представила дикарей, одетых в балахоны; дикари хватают ее, связывают руки и ноги, надевают на длинный алюминиевый шест и начинают поджаривать, облизываясь. «Мама, а тетя скоро будет готова? Можно я ее вилочкой наколю?» – спрашивает юная людоедочка со стрекозиными крылышками на спине. Оксане захотелось упасть на землю и зарыдать во весь голос, но она сдержалась, не стала пачкать балахон.

Коре подошел к тому месту, где раньше был берег Хворости, постоял и спрыгнул вниз, на песок. Песок оказался плотным, как бетонная плита.

Теперь он стоял у глиняной стенки, которая раньше была берегом. В стенке виднелись отверстия-норки, как будто здесь водились птички-береговушки. Он нагнулся над одним из отверстий и услышал скребущий звук.

– Эй!

– Что?

– Иди сюда, тут что-то живое.

Оксана увидела, как из норки выпрыгнула черная живая стрела; Коре отклонился мгновенным движением корпуса; живая стрела пролетела метра четыре и плюхнулась на твердый песок; сразу задвигалась, свиваясь восьмерками.

– Это змея! – закричала Оксана, – сюда, давай руку!!!

- Подожди, это, кажется, насекомое.
- Скорее вылезь!
- Да не бойся, оно меня не укусит. Можешь слезть сюда сама.
- Спасибоочки, обойдусь.

Существо было коротковато для змеи, больше всего оно напоминало многоножку.

Похоже, оно плохо видело, но хорошо слышало, потому что сразу повернулось на звук.

- Крикни еще раз, – тихо сказал Коре.

- Сам крикни.

Существо возвращалось в свою норку. Оно не было ни змеей, ни многоножкой.

Оно имело две больших клешни и несколько клешней поменьше.

- Поцарапал все же меня. Нет, только зацепил рубашку, – сказал Коре. – Штоб ты сдох!

Существо дернулось и замерло на пути к норке. Лапы раздвинулись.

Определенно сдохло.

- У тебя хорошо получается проклинать, – заметила Оксана, – оно действительно сдохло.

Нет, так не бывает. Совпадение. Не бывает так, чтобы змея сдохла от одного пожелания. Не бывает, правда?

Коре подошел к неподвижной твари. Подбросил носком сапога. Совершенно мертва. Почему бы это ей умереть? Не от моих же слов, в конце концов? Можно даже попробовать еще раз – он огляделся в поисках еще одного живого существа, но все вокруг было мертвым. Надо запомнить и повторить эксперимент.

– Я думаю, что это был обыкновенный речной рак, – сказал Коре, – просто в этом мире он изменился. Он вытянулся и стал быстро двигаться. А раз нет реки, он живет просто в песке, как скорпион или фаланга.

- А если он ядовитый?
- Конечно ядовитый – как же иначе он будет охотиться?
- Он тебя не поцарапал?
- Нет, хотя должен был. Ну пошли.
- Куда пошли? – удивилась Оксана.
- Дальше. Тебе же интересно посмотреть что там дальше?

Она не придумала что ответить и молча пошла за мужчиной. В конце концов, мужчина это все-таки защита.

11

– Ты так и будешь молчать? – спросила Оксана.

– Задумался.

– О чем?

– О тебе, – соврал Коре и подумал, что, несмотря на измененную природу, люди в этом мире могли измениться не так уж сильно... Внешне, по крайней мере. Золотые глаза, звериные зрачки, отсутствие волос и ногтей. Кожа, да, еще кожа. Совсем непохожа на человеческую. Но так и должно быть, ведь кожа первая принимает удар среды. Что они едят и что пьют? Я так много не помню...

После травм память обычно восстанавливается. А сейчас? А сейчас я как стертый файл. Не думаю, что она восстановится сама. Найди знакомых и они тебе помогут.

Если не раскусят кто ты такой. Можно сказать больным... С такой скоростью, как мы идем, раньше ночи к поселку не доберешься. Неизвестно, какая здесь ночь... Впрочем, ночь я помню – чернота с красными иглами звезд. Здесь нет по ночам световых реклам, поэтому ночи черны, как инопланетные. Иногда движутся автомобили и свет их фар виден за десятки километров. Тому другому Я, который жил здесь, нравились эти ночи. Но куда делся он, если я в его теле? Если от него остались лишь осколки воспоминаний, несколько имен, несколько сцен чужой жизни? И хватит ли мне этого, чтобы войти в чужую жизнь? Я даже не знаю, есть ли у меня семья. Жены точно нет. Бедный Кельвин. Возможно, он не полностью стерт. Нужно попробовать.

Коре думал о нескольких вещах одновременно, для экономии времени.

Разные мысли шли слоями, на разных глубинах, не пересекались и не смешивались.

Мужчина это все-таки защита, – думала Оксана и плелась за спутником. – Все равно погибать, какая разница. Только со мной могло так получиться. А я же такая хорошая. А теперь у меня руки без ногтей и белые. Ну и пусть, чем хуже, тем лучше. Это наверно, сон, потому что у меня был такой сон, когда я знала, что не сплю, но спала. Но я же хорошо знаю, что не сплю. Как же так может получиться, что я сплю? Но у него кошачьи глаза, значит я точно сплю.

Она уже успела отстать и постепенно отставала сильнее. Вначале она шла сверху, по берегу высохшей реки, но потом сухие деревья приблизились (она отломала веточку на память об этом мире), придвинулись совсем близко и ей пришлось спуститься. Несколько раз они видели раков, переползающих дно реки, и останавливались, пропуская их. Русло реки уже трижды сделало поворот, Коре узнавал места – отмели, ямы, островки, за следующим поворотом должен быть мост.

В лесу явственно хрустнула ветка. Человек или зверь? – подумал Коре. – В любом случае этот лес не совсем пуст. Это называется идти прямо в пасть, в пасть неизвестно кому. В моей памяти нет никакой информации о хищниках. А лес должен кончиться за следующим поворотом реки.

– Все, я устала, – сказала Оксана. – Или мы отдохнем, или я умру прямо здесь.

– А как же раки?

– Пускай они меня съедят, тебе ведь меня не жалко.

Она села на песок, больше не думая о чистоте балахона. Чем хуже, тем лучше.

Останусь здесь и умру с голоду. Потом меня съедят раки, а он спокойно вернется домой и повесит мою фотографию над роялем. Лучше ту фотографию, которая снята в Сочи, в прошлом году. Но у него нет рояля? – ради такого дела купит.

– Послушай меня, женщина, – сказал Коре.

– Оксана.

– Все равно не мужчина, так что нет разницы. Дело очень серьезное.

Напрягись, подумай и вспомни о чем тебе говорит слово «Кельвин». Ну!

– Ни о чем.

– Подумай еще раз. Возможно, это слово тебе что-то напоминает. Ну кто так старается!
Не вижу капель пота на лбу!

– Напоминает, – сказала Оксана. – Это слово напоминает градусник. Мы так в школе учили.

– Уже легче.

– Правда?

– Ага. Большая разница – примерно как голый в космосе и как в космосе в набедренной повязке. Попробуем еще раз. Как ты убираешь в доме?

– Мою полы.

– Бедняжка. И ты так спокойно об этом говоришь. Что такое мышь?

– Маленькая крыса.

– Еще что?

– Знаю! – обрадовалась Оксана. – Мышь – это ручка у компьютера.

– Лет, лапочка. Мышь – это робот для уборки помещений.

– Спроси еще что-нибудь.

– Где ты сейчас?

– Во сне.

– Кажется, достаточно. Понимаешь, женщина, мне должны были прислать другого человека вместо тебя, мне должны были прислать человека с инструкциями. Но ты ведь ничего не знаешь. А без инструкций мне здесь нечего делать. Как я могу выполнить задание, которого не знаю?

– Ты меня убьешь или отпустишь?

– Сейчас это одно и то же. Зачем тебя убивать если ты тоже ничего не знаешь?

– Ничего.

– Поэтому пользы от тебя никакой, а забот много. Жаль, что нельзя отправить тебя домой.

– А если попробовать?

– Попробуй, – сказал Коре. – Возьми эту штучку, вот так, и поверни ключ. Но ничего не произойдет. Аппарат еще не активирован.

Оксана повернула ключ. Ничего.

– А что же делать?

– Подождать двадцать три часа.

– Тогда будем ждать. Только я не хочу ждать в лесу. И в маленьком домике я тоже не хочу – ты очень страшный, когда близко. Особенно в темной комнате. Мне вчера уже снился кошмар. И на той неделе тоже.

– А хорошо бы поесть, – сказал Коре.

Он сказал это просто чтобы что-нибудь сказать. Есть совсем не хотелось.

– Хорошо бы.

– Только нечего.

– Ты же мужчина.

– Давай, я наловлю раков, – предложил он.

– Спасибо, сам их кушай. Я лучше с голода умру.

Она представила себя в виде скелета, обтянутого пергаментной кожей, еще живого скелета с распухшим животиком, если умираешь от голода – животик почему-то распухает. Представила и почти согласилась на раков.

– Тогда я пойду поохочусь, – сказал Коре.

– Ты думаешь, что в лесу кто-то живет?

– А почему бы и нет?

- Ты даже не знаешь, на кого будешь охотиться. Это же глупо.
- Почему не знаю? На мамонта, например.
- И ты хочешь меня оставить одну?
- Хватит ныть.
- Ладно, хватит, – согласилась Оксана.

12

Он поднялся по довольно крутому склону и вошел в лес. Склон был песчаным, из настоящего мягкого песка, не переплетенного травами и корнями. Песок как из химической лаборатории. Высота склона – примерно с четырехэтажный дом. Места знакомы, но вспоминаются обрывками. Поверх одной памяти записали другую. Все то же самое, что было в окрестностях Ыковки. Здешний лес когда-то был сосновым, похоже. Ну и пейзажик на этой планете. На твоей собственной.

Следы. Много следов. Такие следы не могло оставить ни одно земное млекопитающее. Глубокие, сантиметра по четыре и узкие. Эти существа плохо приспособлены для передвижения по песку. Цепочки следов идут по четыре. Это больше похоже на след неколесного механизма, чем на след живого существа.

Допустим. Но что-то знакомое есть в этих следах. Знал ли я их в той жизни?

Он присмотрелся к стволам. На стволах деревьев царапины. Но царапины не поднимаются высоко. Вот здесь метра полтора. Точно, не выше. Значит, жители этого леса не умеют лазить по деревьям.

Жаль, никакой информации. Память дырявая, как бублик. Помню, что в этой жизни я не ходил по лесам, но не помню почему. Хотя в таких лесах и делать нечего.

Он услышал шорох за спиной. Это не были шаги человека. Шорох постоянно перемещался и перемещался довольно быстро. Судя по звуку, крупный зверь или предмет. Коре стоял, не оборачиваясь, чувствуя спиной приближение опасности. Оно движется слишком быстро, не сбежишь. Но на стволах деревьев нет царапин. Еще несколько секунд... Пора!

Он прыгнул и схватился пальцами за сук, – не совсем удачно – подтянулся, перехватил гладкий ствол руками, в последний момент успел схватиться за сучок повыше.

Под ногами проскочило странное существо, угловатое, с этажерку величиной и даже похожее на этажерку, проскочило и снова ушло в глубину леса. Нет, с голыми руками лучше здесь не охотиться. У него же зубчатые клешни.

Сучок был острым. Вообще-то, должен был поранить руку. Не поранил – просто повезло.

Снова послышался тот же звук, но теперь он приближался сразу с нескольких сторон. Собрались в стаю. Посмотрим, как поможет им стая, если они не умеют лазить по деревьям, – подумал Коре и на всякий случай передвинулся чуть выше.

Сразу четыре «этажерки» выскочили из-за деревьев и одновременно ударили по стволу сосны. Полетели щепки. «Этажерки», не останавливаясь, отскочили и ушли под деревья. Им на смену пришли еще четыре. Существа двигались очень слажено и, похоже, разумно. Еще несколько таких ударов и сосна переломится. Посмотрим, хватит ли вам ума меня поймать.

Коре поднялся еще выше – туда, где начинались ветви, и попробовал их прочность. Одна отломилась и полетела вниз. Высота метров восемь и внизу песок. Вполне безопасно. Сосны стоят редко – когда моя будет падать, она не зацепится верхушкой, точно упадет. Нужно сделать так, чтобы она упала в сторону реки.

«Этажерки» ударили еще раз и ствол затрещал. Сосна хрустнула и начала валиться. Верхушка с переплетенными ветвями медленно прошла начало плавного полукруга – верхушка всегда идет медленно вначале. Ветви хлестнули воздух над склоном; Коре сорвался и полетел вниз; у самого берега зарылся в песок.

Ничего себе. Впрочем, прыгать с песчаного склона совершенно безопасно, с любой высоты. Наклонная песчаная стена затормозит падение.

Он посмотрел вверх и стал вытряхивать песок из волос. Волосы слишком длинные. Я бы никогда не стал носить такие. Да, это ведь не мои, это парик. Куплю себе другой. Тело и мое,

и не мое. Все навыки сохранены. Я легко подтянулся, как на стендовой тренировке – значит, мышцы, суставы и связки мои.

Но волос нет и вообще тело не мое, хотя по росту и комплекции похоже.

«Этажерок» не было. Наверяд ли они смогут спуститься по такой крутизне.

– Ты весь в песке, – сказала Оксана, – что не мог поаккуратнее спуститься?

Обязательно было лететь кубарем, как мальчишка?

– Пошли отсюда, – ответил он. – За тем поворотом лес заканчивается, а потом уже по прямой до села. Что значит слово «кубарем»?

– Не знаю.

– Тогда как ты можешь им пользоваться?

– Тоже не знаю.

Переломленная сосна пошевелилась, треснула сучьями и покатила вниз по склону.

– Что это? – спросила Оксана.

– Это они, которые перегрызли ствол.

– Это что, звери вроде бобров?

– Да, похоже.

Он остановился, раздумывая. За поворотом, у моста послышался шум мощного мотора.

– Сюда едут, – сказал он.

– Нужно прятаться?

– Теперь уже поздно. Стой где стоишь.

Он стал рядом.

Звук нарастал, мотор гудел с надрывом. Сейчас из-за поворота появится огромная машина, не меньше танка, во всяком случае. Возможно боевая. Будем надеяться, что местные жители не слишком к с е н о ф о б и ч н ы.

13

Машина появилась и Коре не сразу понял, что он видит перед собой. Глаза уже привыкли к почти черно-белому миру и маленькая зеленая машина казалась нереальной, слепяще-яркой.

– Что это? – спросила Оксана. – А я видела такую! Я видела такую в детстве!

Несколько кусочков памяти стали на свои места, образовав фрагмент мозаики.

– Эта машина класса Запорожец, – ответил Коре, – Очень древняя марка.

Разновидность: Запорожец недавно покрашенный.

– Может, ты даже знаешь, кто за рулем?

– Так, местный алкоголик. Специалист по технике безопасности на задымленных объектах. Когда я его видел в последний раз, он был безобидным. Нам повезло.

– А вдруг это не он?

– Пша никому не доверит свой Запорожец.

Машина посигналила издали. Казалось, даже звук сигнала был удивленным.

– Он не ожидал нас здесь увидеть.

– Конечно, не ожидал. Люди в этом мире не ходят по лесам.

Запорожец подрулил и остановился. Человек по имени Пша опустил стекло – стекло было не меньше сантиметра в толщину и опускалось очень медленно, с противным скрипом. Корпус Запорожца был широк и тяжел – похоже, его бронировали местные кустари.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Пша. Он выглядел смущенным.

Есть контакт. Он сразу меня узнал и заговорил на ты. У них это фамильярная форма обращения. Так, кажется. Судя по первой реакции, сомнений в моей аутентичности нет. Я хорошо его знал в здешней жизни. Хорошо бы вспомнить его программы и кодировки, хотя бы основные. Специалист по безопасности обязательно будет кодирован. Как бы не напоротся.

– Решил погулять с девушкой. Имею я право на личную жизнь?

– Такого я даже от тебя не ожидал, – сказал Пша, – садитесь. Откуда эта сосна?

– Это... – начала Оксана.

– Это я дразнил зверюшек, – перебил ее Коре.

– У тебя всегда было с головой не в порядке.

– Вот и я тоже самое говорю, – влезла Оксана. – Там же звери!

– Звери?

– Ну да, звери.

Пша взглянул на нее с недоверием.

– Что-то не так?

– Вы забыли поздороваться.

– А, здрасте.

– З д р а с т е, – медленно и с каким-то недоверием к слову произнес Пша.

Оксана представила себе зверей – громадные, клыкастые, шерсть дыбом, загривки как у буйволов, глаза налиты кровью, и когтями гребут землю. А из пастьей капает слюна. Морды как у бульдогов, но еще шире.

– Ты знаешь, девочка, это на него похоже, – сказал Пша, – такого авантюриста как твой Арей, я в жизни не видывал. Может, хоть ты его прикрутишь. А ты как сюда попала?

– Из города, – сказала Оксана.

– А как же ты из города добралась?

– Молчи, – вмешался Коре.

– Не хотите говорить, ну и не нужно. Мне, старику, ваши тайны не очень-то нужны. Ты, девочка, наверно испугалась? Выпить хочешь?

– Хочу, – ответила Оксана.

Пша достал бутылку из-за сиденья. В бутылке была прозрачная жидкость. Оксана сделала три довольно смелых глотка и даже не поморщилась.

Очень опасно. Там наверняка яд для неизмененного человека. Впрочем, я ведь не знаю особенностей ее организма.

– Что это? – спросил Коре.

– Местное производство. Сам не хочешь?

– А ты?

Пша заколебался.

– Я все-таки на работе.

– Ничего не случится от одного глотка.

– Ладно, – он отхлебнул из бутылки и заткнул ее резиновой пробкой. Такие пробки были в древних кабинетах химии.

Все в порядке, – подумал Коре, – это действительно Пша. Люди остались понятными, а это самое главное.

Оба кресла в машине были матерчатыми и сильно потертыми. В материи торчала булавка с белой головкой. Оксана выдернула булавку, глупо усмехнулось (уже опьянела) и отдала булавку Коре. Он согнул ее в пальцах и проверил остроту.

Булавка не колола. Не может быть.

Он поднес булавку к глазам и присмотрелся к острию. Обыкновенный металл.

Острый металл. Только что эта булавка была воткнута в материю. Но она совершенно неспособна проколоть мою кожу. Вот это здорово...

– Да, совсем забыл, – сказал Пша, – твоя жена тебе просила передать... Вот только забыл... Что-то про машину. Ты же собирался ее продавать?

– У меня нет жены и нет машины, – сказал Коре и напрягся.

Насчет машины я помню не очень хорошо, но по какой-то причине у меня не должно ее быть. Вот, здесь почти нет дорог и вообще нет хороших дорог, поэтому все машины в окрестности можно пересчитать по пальцам. зато в городе машин хватает. Помню, здесь ходил трамвай. Трамвай – это прибор, движимый примитивным электротоком.

Он снова уколол булавкой кресло. Острая, по-настоящему острая, но руку не берет. Интересно, на каком принципе может работать такая вещь? Может быть, перестраиваются молекулярные цепочки?... Да, но сделать такое в обыкновенной булавке, а потом куда попало ее воткнуть – это уж слишком. А мне говорили, что они отстают технически. Хорошо бы забрать такую с собой – наши специалисты много бы дали за...

– Нет, так нет, – ответил Пша.

Оксана удивленно посмотрела на одного, потом на второго.

– Да, я точно забыл, это она Остику жена, тебе просто знакомая.

– Кончай меня проверять, – сказал Коре, – я не знаю никакой жены Остика и самого Остика не знаю. Зато знаю, что у тебя в багажнике лежит картинка – череп с костями, который ты вешаешь на заднее стекло машины. А к корпусу ты подключаешь шестьсот двадцать вольт. Еще я знаю, что Еня строит города из спичек, что Бульдозер на всех наезжает, а себя считает суперменом, что мальчик Петя гуляет с дочкой сторожа Никодима – точнее, она с ним гуляет, даже выгуливает его, она девочка с характером, знаю, что самая большая дура на свете зовется бабкой Березухой и живет в Ыковке. У тебя будут еще вопросы? Я не все правильно сказал? Или ты еще принимаешь меня за кого-то?

Все это он помнил, только не помнил связей между именами и событиями.

– Слава Христу, – сказал Пша.

– Слава Христу, – ответил Коре автоматически и понял, в чем была ошибка. Есть стандартная формула приветствия. А Оксана сказала просто «здрате».

Машина остановилась.

– Правильно, – сказал Пша, – почти правильно. Остика точно нет, я тебя проверял. Но к машине я подключаю тысячу вольт. Шестьсот двадцать я подключал три года назад. Твои сведения чуть-чуть устарели. У меня вот что есть – это служебный, я ведь сейчас на службе.

Он достал кусок металла, напоминающий оружие, – прямоугольная ручка с круглой массивной трубкой, – такое может стрелять механически или на принципе взрыва, – и положил руку с оружием себе на колени.

– Пусть тебя бог бережет, как Пша бережет свой Запорожец, – сказал Коре ту фразу, которая была в Ъковке поговоркой.

– Правильно. А теперь скажи какое сегодня число.

– Двадцать четвертое, – вмешалась Оксана, – нет, двадцать третье сентября.

– Третье, – сказал Коре. – Первый месяц лета.

– Да, – сказал Пша и убрал оружие с колен (машина снова тронулась), – это точно ты.

Она тоже на том свете была?

– А откуда вы знаете? – удивилась Оксана.

– Сегодня не двадцать третье сентября и не третье первого месяца лета, а девятое августа.

Ни один бы человек так не ошибся. Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во вторых, – если ты не знаешь, то я тебя просвещу, – тебя убили три года назад. Ни больше, не меньше. Тебя не существует, тебя просто нет.

Никогда не ждал, что придется тебе же об этом сообщать. Говорят, хотели ограбить твою дачу, но грабителей так и не нашли. Да и не искали их как положено. Они пробрались к тебе ночью, ударили по голове, потом вкололи смертельную дозу лекарства, отвезли на бывшую лесопилку, – помнишь, там, где дорога между двух оврагов, – там разрезали и закопали. Когда резали, ты уже мертвым был. Тем случаем до сих пор детей пугают. Как, помнишь что-нибудь или нет?

Оксана покрутила пальцем у виска. Коре не сразу вспомнил значение этого жеста. Застрелиться? Сделать потише звук?

– Может быть, это был не я? Это был похожий человек. Например, мой брат-близнец, – нашелся он.

Почему бы и нет? При рождении у меня было еще двадцать девять братьев близнецов, – подумал он, – тридцать клонированных эмбрионов – нормальное число для детского инкубатора. Люди не хотят размножаться поэтому близнецов обычно штампуют большими партиями.

– Нет.

– Почему нет?

– Это только в фильмах появляются близнецы. В жизни их не бывает. И тебя проверили по отпечаткам пальцев. Хромец постарался. Это был точно ты. И я был на твоих похоронах. Это был ты.

– Что же теперь?

Оружие он держит крепко, но неумело. Можно будет рискнуть. Кажется, он был моим другом. Я не помню значения слова «друг». Но это теплое слово. Означает некоторый пережиток, хорошо распространенный раньше. И хорошо распространенный здесь. Кажется, каждый в Осии имеет друга. Что поделаешь, варварская страна.

– Ничего, – сказал Пша. – Я никому ничего не скажу. Ты же был моим другом. Но ты не слишком показывайся людям. Люди разные бывают. Если будет нужно, то приходи, я тебе помогу. Остальное меня не касается.

– У тебя разве нет базовой кодировки?

– Чего у меня нет?

– Ничего. Спасибо.

– Не за что.

14

...Толстая длинношерстая крыса вылезла из-под забора и медленно направилась к контейнеру с мусором, волоча по асфальту голый чешуйчатый хвост. Кончик хвоста был приподнят. Запрыгнула на контейнер и огляделась. Мимо шел человек и она подождала, пока человек пройдет. Потом проехали два мотоциклиста. Мотоциклисты бы ее не тронули, но на всякий случай крыса обождала еще. Она уже собиралась запрыгнуть в контейнер, когда на дороге показался яркий зеленый тарантас, подкатил совсем близко и остановился. Крыса спрыгнула с контейнера и лениво побежала к забору, дважды оглянувшись по пути.

С трудом протиснувшись в щель между кирпичами, крыса продолжила свой путь; она спокойно пересекла двор наискосок, пролезла под чугунной калиткой, перешла через дорогу и потрусила в том направлении, в каком чаще всего двигались ыковские крысы. Она шла к дому спичечника Ени.

Дом спичечника Ени отличался от остальных тем, что там размещался музей.

Музей назывался длинновато и непонятно: «Дом народной культуры номер шестьдесят». Именно такая вывеска украшала крыльцо.

Сам Еня не отличался ничем особенным, кроме того, что имел две дачи вместо одной. Вторую дачу он использовал в очень благородных целях – там открыл он музей спичечного мастерства. В музее выставлялись работы только самого Ени, как самые лучшие произведения спичечного мастерства. Все работы были изготовлены из настоящих натуральных спичек, что стоило жутко дорого. Но время от времени Еня изготавливал работы на свышезаданные темы, чем и обеспечивал себе поддержку государства.

Еня всегда ходил на собрания и в церковь, вызывался добровольцем на уборку и обеззараживание территорий, участвовал в зянятиях по обороне от условного противника, голосовал открытым голосованием и обязательно за, еженедельно отмечал себя в списках органов порядка, имел две следилки – одну в спальном доме, а другую в музее, – в день каждого из госпраздников выходил на улицу и кричал, как сильно он предан национальным приоритетам, и исполнял многие другие необременительные обязанности – исполнял примерно, в назидание недисциплинированным осиянам.

Спичечное мастерство, которому Еня был по-настоящему предан, состояло в постороении домиков, изб, коттеджей, церквей, соборов, замков, дворцов, сараев и заборов – в построении их из одних только спичек. Таких спичечных экспонатов музей имел уже четыре тысячи восемьсот сорок восемь. Четыре тысячи восемьсот сорок девятый, к сожалению, погрызли крысы – этот экспонат Еня клеил клеем собственного производства, клей оказался съедобным и вот вам результат. У крыс, попробовавших клея, сразу возникла зависимость и они лезли в дом Ени, рискуя жизнью, чтобы пропробовать заветного вещества еще хотя бы раз. В доме Ени (а так же в музее) отбоя не было от крыс, потерявших всякий стыд и разум. В крысоловки они не попадались, потому что не интересовались едой и потому что были слишком умны. Некоторые крысы приводили с собой крысят и заставляли их попробовать дурманного зелья; крысята ложились на спину и дергали ножками, зато, когда вставали, у них был звериный блеск в глазах. И не одну взрослую крысу мог загрызть такой крысенок, если взрослые крысы мешали добраться до банки с клеем.

Короче говоря, уже добрая половина крыс в Ыковке была наркоманами (а остальные старались ими стать), а всему виной неосторожность Ени, любителя спичечного искусства. Даже сейчас, когда вся живность покинула Ыковку, крысы остались и не прекратили своих набегов.

Поголовье крыс в Осии постоянно расло. Эти разумные зверьки оказались неуничтожимыми и очень изобретательными по части способов выживать. Борьба с крысами велась в Ыковке уже несколько веков. И люди, и звери совершенствовались в этой борьбе. Как только

люди находили новый удивительный способ уничтожения крыс, животные заставляли их об этом пожалеть. Никакие яды ыковских грызунов уже не брали, – пережив экологический коллапс, они изменились не меньше, чем люди, и приобрели полную нечувствительность к вредным веществам.

Некоторое время их пытались извести механическими способами, но в ловушки попадали только самые бестолковые, а самые разумные всегда выживали. В результате через несколько десятков крысиных поколений грызуны сравнялись в интеллекте с трехлетним ребенком и (как показывали наблюдения зоопсихологов) были способны даже к элементарному абстрактному мышлению. Они выбирали для жизни такие объекты, куда человек не мог проникнуть (внутренности правительственных компьютеров, например), имели простое разделение труда: на нянечек, воспитателей, воинов, старейшин и информаторов; загрызали бесполезных стариков и воспитывали бесстрашную и жестокую молодежь; ничего не боялись, действовали непредсказуемо и вдохновенно. Достижением последнего десятилетия были автоматические крысоуничтожители. Уничтожители представляли собою мелких, но очень юрких роботов, которые проникали в норы и уничтожали всех грызунов на своем пути. Крысы приспособились и к этому: они организовались в отряды под руководством старейших (в отрядах поддерживалась строгая иерархия) и начали нападать на людей. В одной Ыковке погибло семеро, а в районе около семидесяти.

Цифры не так уж и велики, но крысы никогда не выбирали жертву случайно – гибли в основном дети работников службы дератизации, то есть главных крысиных врагов.

Как только уничтожители были отозваны, нападения на людей прекратились.

На каждое новое наступление человека крысы отвечали контр наступлением – они выводили из строя правительственные компьютеры, лишали поселки связи, портили системы коммуникаций, разгерметизировали подземные хранилища газа, нападали на больницы и родильные дома. Они добились того, что на крысу, идущую по улице, никто не нападал. Машина притормаживала, давая крысе перейти дорогу. Человек, увидевший крысу, пожирающую припасы, не бросал в нее камнем или палкой, а только кричал и махал руками. Люди стали считать, что обидеть крысу – плохая примета. Своего обидчика зверьки запоминали и преследовали его до тех пор, пока он не садился на поезд и не уезжал в дальние края. Но и в дальних краях такого иногда находили. Зоопсихологи объясняли усиление крысиных позиций тем, что грызуны мутировали в начале прошлого века и резко повысили свою жизнеспособность. Наступление крыс было медленным, но поступательным и бесповоротным, как наступление ледников. Однажды завоеванную позицию они никогда не сдавали. Процесс шел так медленно, что люди и не замечали, что с каждым годом позволяют грызунам все больше. Крысы заставили уйти из Ыковки все оставшиеся животные виды. В поселке осталось лишь несколько домашних кошек и собак.

15

– Приехали, – громко сказал Пша. – Сейчас я тебя прощаю, молодой человек, а в следующий раз оштрафую. Попробуй только выйти за стену без разрешения! Я все-таки начальник отдела безопасности. Мое дело следить, чтобы все были живы. А с кого спросят, если звери тебя слопают?

– А они разве едят людей? – спросил Коре.

– Не едят, конечно. Зачем же им есть, – загадочно ответил Пша.

Он подвел Запорожец к ограде, нашел табличку под сиденьем (такая знакомая табличка: улыбающийся черный череп с костями), повесил табличку на заднее стекло Запорожца. Вытащил из-под забора провод, отрегулировал напряжение и подсоединил провод к корпусу машины.

– Во! – сказал Пша. – Теперь снова будет шестьсот двадцать вольт! Пусть кто только попробует машину тронуть!

– Я вижу, ничего не изменилось, – сказал Коре.

– Конечно, не изменилось, – ответил Пша и вошел в дом.

Все есть в поселке Ыковке, все как у людей: есть водокачка, есть три теннисных корта и четыре игрока, которые садятся писать пульку после каждой третьей партии; самого разговорчивого игрока зовут Борей, есть два магазина и театр, в который наведывается труппа из города, в ту труппу сбежал от родителей Анников Ашка, родители возвращать его не стали, без Ашки легче жить; есть своя самогонщица (определите ее, если нужно, по столбу дыма над крышей), самогонщица – специалист по теологии, и есть алкоголик, правда, только один.

Алкоголика зовут Пша.

Ни в трезвом, ни в пьяном виде Пша не мешает жить окружающим. Самым злокозненным его поступком за всю жизнь была, смешно сказать, синусоида в метро.

Математическая точность той синусоиды была подтверждена двенадцатью свидетелями происшествия, а особенно свидетельницей Рисенковой, которая наблюдала Пшу с близкого расстояния. Рисенкова есть специалист по тригонометрическим функциям и методике их преподавания, так что в ее словах сомневаться не приходится. По словам этого свидетеля Пша вышел из электропоезда и пошел по пустой платформе в сторону ступенек. Как специалист по тригонометрии, Рисенкова сразу отметила, что траектория идущего представляет точную синусоиду с максимальным отклонением метра полтора. Свидетель с интересом ждала самого ответственного момента – восхождения по лестнице. Ей хотелось увидеть, как Пша упадет и в какую сторону, и скатится ли, а если скатится, то не сломает ли себе что-нибудь. Но Пша вступил на лестницу без колебаний, хотя его движение вперед и замедлилось. К несчастью, в этот момент подошла следующая электричка и выпустила следующую порцию людей. Один из людей – старичок в шляпе – попытался поддержать Пшу, но Пша отмахнулся. Старичок упорствовал, заглушая добротой тихий голос разума; он взял Пшу за куртку и слегка потащил; Пша снова отмахнулся, но не удержал равновесия и упал прямо на старичка, изрядно того примяв. Кто людям помогает, тот тратит время зря, – так пела известная героиня сериала.

Имеет Пша машину – не бог весть какая машина, всего лишь зеленый Запорожец и то старый, но Пша бережет машину как зеницу ока. Так в Ыковке и говорят: «пусть сбережет тебя судьба, как Пша бережет Запорожец». И правильно говорят. Область интересов Пши – гражданская оборона и техника безопасности на задымленных объектах. А Запорожец – это самая известная марка машины в Осии – Запорожец стали выпускать в две тысячи семидесятом и назвали его так из уважения к нацтрадициям: была, говорят, такая же знаменитая марка и сто лет назад.

Вернувшись, Пша решил немного выпить. Тонкой струйкой текла вода из крана и плясала в этой струйке мелкая грибная очистка (Пша жил один и грибы чистил собственноручно), играл блик солнца на потолке, играл, отраженный неровной водной поверхностью, и было так хорошо на душе, так хорошо, что, воробей, влетевший в веранду, чирикал о невозвратном детстве, муха, чертившая круг у лампы, зудела о потерянном счастье, рекодрик, оставленный включенным, бубнел о последней любви стихами Тютчева и голосом дородной немолодой дивы.

Пша уронил голову на руки и заплакал. Короче говоря, он был чуть-чуть пьян с утра. А воробы с мухами ему просто приснились. Не видел Пша живой птицы без малого пятьдесят лет. Мухи в Осии перевелись немного позже.

Тараканы остались до сих пор и плодятся, как миленькие. Из них даже консервы стали выпускать, как из единственной настоящей живности. Говорят вкусно, но люди не особенно покупают. Спирт в Осии делают из нефти – получается как настоящий, и недорого. Из той же нефти с углем в придачу получают жир, вроде старого маргарина, на том жиру пекут искусственные пряники. Едят в основном таблетки и пластики. А из овощей – грибы, которые разводят в подземных гриботронах на компосте из мусора.

16

Оксана помолчала, покачиваясь, глядя на носки своих черных резиновых сапожек. Она была вмеру пьяна. Хорошо, что жива. Поменьше бы таких экспериментов.

– Ну вот мы и влипли, – сказала она наконец. – Сколько нам еще осталось?

– Еще двадцать часов, – ответил Коре, – сейчас идем ко мне, заходим, закрываемся изнутри и сидим тихо, как мышки. Я думаю, что за двадцать часов ничего не случится.

– Потом смотаемся?

– Вот именно.

– Куда?

– Разбредемся по домам. Дома – это единственное более-менее безопасное место.

– Что ты там рассматриваешь? – спросила Оксана.

Коре подошел к столбу и читал рекламную листовку с фотографией.

– А это личико я знаю, – сказал Коре. Иша... Да, его точно так и звали. Мы с ним во втором классе вместе учились. Он учился не со мной конечно, но с моим телом. Он был отличником, а мое тело разгильдяем. Когда тело его встретило в следующий раз, он уже продал душу дьяволу. Здравствуйте Ихаил Ерманович. У, какая у вас биография! Оказывается, вы закончили школу за три года – ну, это уж совсем неправда. Мне ли этого не знать. А теперь вы собираетесь победить на выборах... Ну да, сначала вундеркинд, потом гениальный юноша, потом слава родной науки, профессор в двадцать четыре года. Профессор института паронормальных явлений. ИПЯ. Вот это называется приятной неожиданностью. И здесь, оказывается, такой есть. Интересно, они только пытаются связаться с умершими или занимаются более практическими вещами?

Например, проникновением и шпионажем. Надо бы это место посетить. И побеседовать с вами, Ихаил Германович. Давно все же не виделись.

– Я ничего не поняла из твоих слов, – сказала Оксана.

– А тебе и не нужно. Я думаю вслух. Приятно говорить на новом языке.

Дополнительный канал, – подумал он, – это же дополнительный канал. Если будут неполадки с возвращением, можно будет использовать технику здешнего ИПЯ.

Пока запомним.

– Так он не американец? – спросила Оксана.

– Нет, он просто надел галстук и зубы скалит. А американцы, к твоему сведению, вымерли еще в прошлом веке. Как и все остальные нации.

Боковым зрением он заметил человек лет сорока, оставновившегося на той стороне улицы, через три дома. Человек делал вид, что читает афишку на столбе.

На самом деле он наблюдал. Потом вынул из бокового кармана блокнотик и быстро записал что-то. И сразу исчез за углом.

Информация:

М-кретин. Иша Ицкий. Двадцать три года. Заболел в мае 2095г. Вторая степень тяжести. Форма Б74.

Мужчины делятся на умников, бабников, бездельников и деловых. Поначалу, от рождения и лет примерно до пятнадцати, Иша не совсем подходил под эту классификацию – он был в первую очередь подхалимом. Но время прошло, мальчик возмужал и из подхалима превратился в умника, не переставая быть подхалимом.

Умники-подхалимы отличаются от остальных пород мужчин примерно как болонки от дворняжек. Возьмем, к примеру, умников-авантюристов. И те, и другие рождаются в любом

веке и обществе. Но авантюристы растут как трава в поле – их гнет ветер, поливают дожди, и скубнет каждый, и без жалости пройдет каждая нога.

Зато им дышится легко, в поле воздух свеж, над ними солнце настоящее, без примеси городских угаров, делающих вокруг солнца корону, а ночью над ними столько звезд, что смотри до утра и не насмотришься – даже звездная шерсть переливается на Медведице, а зимой вокруг них снега – тоже настоящие снега; а если и замерзнут они до смерти, то напоследок не пожалеют о своей судьбе – жизнь все-таки была и была настоящая. Умники-авантюристы обычно умны от самого рождения и с этим, увы, ничего не поделаешь. Еще в детстве они прочли все книги да прочли так, что родители не успели заметить, что этих книг детям давать нельзя. Учатся на тяп да ляп, к выпускному тесту готовятся последний день и иногда успевают подготовиться лучше всех, просто их так заносит. За что бы они ни взялись, все у них получается. По этому признаку сразу можно узнать умника-авантюриста. Не получается у них лишь служить, исполнять долг (любой, включая священный), идти по верно указанному пути и с важным видом входить в открытую дверь – им больше нравятся закрытые двери. По этому признаку тоже можно узнать умника-авантюриста.

А умники-подхалимы – это совсем другое дело. Это люди в первую очередь приятные. В детстве они обожают всех родственников и знакомых, а родственники и знакомые обожают их – обычно белокурых мальчиков или девочек. Из подхалимских побуждений они декламируют стихи, научаются читать в четыре года, потом поступают во всякие музыкальные, художественные и спортивные кружки. В школах их можно встретить только за первыми партами и беда, если в классе таких деток больше шести – ведь не поместятся тогда они за первыми партами, тогда родители ангелочков пойдут в яростный бой и кто-то из родителей падет моральной смертью, но все же победит. Родители у ангелочков обычно яростны и восторжены, а особенно яростны и восторженны бабушки.

Именно таким был подхалим Иша. Внешне и внутренне он не отличался ничем от многих других подхалимов, только был чуть угловат в движениях, чуть квадратен в области пояса, и чуть неловок в проявлении усердия – из усердия иногда выскакивал невовремя, из усердия разбивал хрупкие вещи, из усердия слишком громко хлопал крышкой парты, подскакивая.

Еще до того, как первые продажные агенты пошли по дорогам Осии (то есть до Большой Реформы), появились и стали продавать средства от лишнего веса, от старости и от атеизма, подхалим Миша сделал продажного агента из самого себя.

Как известно, продажного агента от прочих людей отличает следующее: однотонный костюм темного цвета, белая рубашка под костюмом, обязательный темный галстук, внимательное выражение лица, когда вы говорите, улыбка в тридцать два зуба – когда говорит он сам (предлагая средство от лишнего веса, от старости или от атеизма) и полное безразличие к вашим действительным нуждам. Безразличие к нуждам дается подхалиму Мише легче всего, а улыбка в тридцать два зуба так и не получилась до сих пор – незакоммерциализированные знакомые пугаются преувеличенного оскала зубов.

Справка: продажными агентами в Осии называли агентов торговых, и правильно называли.

Безоблачная карьера – точный признак прирожденного подхалима. У такого нет ни взлетов, ни падений, ни прыжков в сторону. В школе был Иша лучшим учеником, потом плавно перерос в лучшего студента, потом плавно взлетел в заоблачные высоты и стал менее доступен для наблюдения. С определенного времени начал проявлять признаки М-кретинизма. Кретинизм Иши был специфическим, подхалимским.

Иша привязывался к человеку, стоящему выше него, вползал в чужой дом, обволакивал противной услужливостью членов семьи, приживалов и домашних животных. От него не было спасения. Куда бы ни шел вышестоящий, он встречал искренне преданного Ишу. Изгнанный Иша быстро возвращался с видом побитого пса.

Изгнанный окончательно, он обязательно находил лазейку, чтобы вернуться. Он приносил утерянные предметы, приводил хорошего электрика, предлагал улучшенное издание «Отеческих указаний», дарил детям пластиковые шоколадки, сманивал собак, подметал дворик, притворяясь уборщиком. После встречи с Ишей вышестоящему обычно казалось, что все предметы вокруг политы толстым слоем сахарного сиропа, а он сам полит всего гуще. Рано или поздно жизнь вышестоящего превращалась в кошмар.

Тогда этот рассудительный человек находил единственно возможный путь: предоставить Ише высокую должность. И сразу по получении должности Иша охладевал к благодетелю – потому что находил благодетеля нового. И цикл повторялся.

М-кретин Иша не был карьеристом и карьера мало что значила в его жизни. Он просто любил вышестоящих и выражал свою любовь, как умел. За шесть лет он проделал эволюцию от продажного агента до официального директора ИПЯ.

17

Они вошли в дом и Коре удивленно пристыдился. Свистеть у него получалось не очень хорошо. Не умеешь свистеть – не берись, – подумала Оксана. То же мне великая свистулька нашлась, – подумал Коре в ответ, и отметил, что чужая мысль прозвучала в его сознании совершенно ясно.

– Ты чего свистишь?

– Посмотри сама.

– Это наверное дорого стоит?

– Я думаю, – ответил Коре. – Посмотри только, какой телевизор! Я такой в музее видел. Исключительно ценный экспонат. Техника у них очень отстает.

Телевизор был действительно невероятен, почти в четверть стены экран. Фирма Rossmash.

Коре подошел к столу и отметил, что ножки покрыты настоящим деревом. На столе лежал предмет прямоугольной формы непохожий на пульт или коробку. Коре поднял предмет и тот оказался мягким, будто текучим.

– Это книга? – спросил он.

– А что же еще?

– Настоящая, бумажная книга?

– Ну не пергаментная же!

– А бывают пергаментные?

– Включи телевизор, – попросила Оксана.

– Включись! – приказал Коре.

Никакой реакции. Неужели такой динозавр реагирует на мысленный приказ?

Оксана взяла пульт и нажала кнопку. Включился местный канал. Качество изображения было просто жутким. Картинка плоская, в искаженном цвете и не передает мелких деталей. По местному каналу выступал хорошо знакомый человек: доктор технических наук Петляев – тот, с которым никто не разговаривает, кроме телефонистки Урочки, – отчетливо вспомнил Коре. Урочка сидела здесь же, на экране, почти в полный свой рост, и задавала вопросы. Накрашена она была чрезвычайно вульгарно, настоящая Урочка никогда бы так не нарядилась. А вот платье на ней миленькое. Впрочем, настоящая Урочка такое бы тоже не надела.

Постарела.

– Это кто такой? – лениво спросила Оксана.

– Доктор наук Петляев. В сделал целых два изобретения: усовершенствованную швейную машинку и пароцилиндр, за что его сделали доктором технических наук. Он возгордился и повесил блестящую табличку на парадной двери: «Доктор технических наук А. В. Петляев. Прием по средам и вторникам.»

Местные жители обиделись на Петляева за такую заносчивость и облили табличку кислотой – табличка потускнела, но буквы видны. Да ну его, Петляева – с ним в Ъковке и не разговаривал никто, кроме телефонистки Урочки. Урочка была такая ужасно симпатичная, что иногда хотелось просто идти рядом с ней и любоваться, получать эстетическое удовлетворение, без всяких задних мыслей. Но вот одеваться она не умела, потому лишь немногие ходили за ней. Эта Урочка, на экране, ненастоящая.

– Мне показалось, – сказала Оксана, – что сейчас говорил не ты, а кто-то другой. У тебя совсем не такие интонации. Которая из твоих половин сейчас говорила?

– Мы с тобой просто плохо знакомы.

Петляев вел учебную передачу; чертил схемы мелом на доске. На лабораторном столике перед ним стояла модель пароцилиндра. На стене за ним виднелось несколько культовых изображений неизвестного предназначения.

Коре шелкнул кнопкой и снова попал на местный канал. В этот раз показывали что-то совсем неприличное: дочь академика Балмащи, толстая как шар, раздевалась на глазах у возбужденной публики. Публика состояла исключительно из толстых мужчин. Некоторые были даже толще дочери академика Балмащи.

– А это что за чудо?

– Дочь одного академика. Любит только мужчин и еду. И то, и другое предпочитает в больших количествах. Отец ее как-то запатентовал средство для похудения, специально для дочери, попробовал средство на себе и потолстел. Дочь пробовать побоялась. Да ей и так хорошо. Впрочем, это все сведения трехлетней давности.

– Сейчас опять говорил не ты, – заметила Оксана.

– Да, я тоже услышал.

Остальные восемь каналов тоже были местные. Один из каналов передавал местные новости и сообщил, между прочим, что трамвай сорок третий номер пока ходить не будет, по техническим причинам, а еще сообщил, что спичечник Еня доставлен в больницу по поводу аппендицита. Даже показали фотографию спичечника Ени и сказали, что ему уже намного лучше.

– Как ему может быть лучше, если еще не делали операцию? – спросил Коре.

– Что? Я спать хочу.

– Потом выпишься.

Если не считать новостей и дочери академика Балмащи, то по всем каналам передавали технический бред. Бред прерывался заставками военно-патриотического содержания. По четвертому каналу призывали голосовать за партию технического рычага. По девятому Иван Петров, изобретатель самодвижущегося рычага, объяснял, как вести себя при встрече со зверем. Объяснял длинно и невразумительно, со странным политическим уклоном.

– Я спать хочу, – повторила Оксана. – выключи эту муть.

Коре нашел пульт и выключил. Пульт даже не мурлыкал, чувствуя на себе человеческие пальцы.

– Понимаешь, в чем дело, – сказал он, – кажется я знаю, чем этот мир отличается от нашего.

– Вот и хорошо. Дай мне поспать.

Она легла на постель лицом вниз и уснула. Коре открыл шкафчик (узнал расположение предметов трехлетней давности), нашел цыганскую иглу. Кончик иглы был синего цвета. Коре вспомнил, что когда-то разогревал эту иглу над огнем, но уже не помнил, для чего он это делал.

Он подошел к подоконнику (в окно глядели два мертвых каштана без коры) и нацарапал иглой на краске:

$A + K = ???$

Потом уколол иглой руку. Кожа вдавилась, но осталась совершенно непроницаемой для иглы.

В шкафу он нашел еще две книги: «Библия в правильном изложении» и «Отеческие указания». Обе оказались интересны. Некоторые имена из первой книги он уже слышал сегодня. До самого вечера он читал, с трудом преодолевая сопротивление текста, написанного нестандартным шрифтом. Информационных или обучающих систем в доме не было, приходилось читать глазами. Когда глаза уставали, он поднимал их над книгой и смотрел в окно. Дважды за вечер он видел отвратительнейшую старуху в мини-юбке, которая перелезала забор. Пре-

одолев преграду, старуха рассыпала по дворику мелко набитое стекло. Работая, она постоянно бормотала в пол-голоса – вроде бы, проклятия.

Наверное, борется с грызунами, – подумал Коре. Но в третий раз старуха пришла с металлическим прутом и проковыряла несколько неровных дыр в асфальте.

Цель была неясна. Коре смутно помнил, что старуху зовут Березухой, помнил и то, что с ней лучше не заговаривать. Странно, – подумал он, – чем может повредить мне эта маразмизированная бабулька?

Перед тем, как уйти окончательно, старуха отвинтила латунную ручку от дверей и, воро- вито огладевшись, спрятала ее за пазуху. Потом задрала мини-юбку и шумно опорожнилась.

Информация:

М-кретинка. Кличка Березуха. Пятьдесят девять лет. Больна с рождения.

Болезнь усугубилась в мае 2095г. Степень тяжести наивысшая, близкая к смертельной. Форма болезни базовая, БО0.

Живет в Ыковке бабка по имени Березуха. Сколько ей лет и что она делает среди людей – никому из ыковцев не известно. Известно лишь, что бабка Березуха совсем неученая и живет в Ыковке давно, после того, как выжила из дачи законного хозяина, академика Молебящего. Академик Молебящев был, по воспоминаниям очевидцев, могучим мужчиной с очень красивыми ногами, ноги свои он демонстрировал всему поселку, так как любил стоять на голове. На голове он стоял по полтора часа в день, в любое время года и в любую погоду. «Я занимаюсь упражнениями для того, чтобы укрепить нервную систему, – говаривал он, – сейчас моя нервная система настолько крепка, что выдержит любой стресс.» А вот стресс в лице бабки Березухи нервная система не выдержала.

Бабка Березуха жила в Ыковке незаконно, но никто ей об этом не напоминал.

На какие деньги жила, что ела и работала ли – один чорт знает. Правда, раньше видали ее в трамвае сорок третий номер, в том, который ездил только в первую половину дня, и поговаривали, что работает там она контролером. Но, так как бабка Березуха была страшно горда и даже должность министра торговли почла бы для себя унижительным издевательством, то при входе знакомого лица она прекращала работать контролером и садилась в кресло, как обычная пассажирка, – вот поэтому никто и не знал в точности, работает она контролером или нет. А трамвай номер сорок третий ходил только до Ыковки и возил только ыковских – так что бабка Березуха за время всей своей службы не проверила ни одного билетика.

Гордость бабки Березухи была не только беспредельна, но и всеобъемлюща.

Однажды, поймав на дороге академика Балмащи, лауреата премии Лобачевского по молекулярной генетике (того, у которого дочка толстая как шар), она начала рассказывать ему о молекулярной генетике. Академик Балмащи упомянул Исаака Ньютона. «Ну, этот еврейшка Д А Ж Е М Е Н Я не уважает, так как же он будет уважать вас?» – невинно спросила бабка Березуха и продолжила распространяться о молекулярной генетике, стараясь не произносить длинных слов, на которых можно запнуться.

Впрочем длинные слова бабка Березуха произносила редко. Зато любила длинные выражения и была на эти выражения изобретательна, как никто. Просто гений изобретательности, но гений односторонний. Не было в Ыковке сапожников и не было отставных подполковников, иначе умерли бы они от зависти или стерли бы себе зубы от зубовного скрипа, если бы услышали, какие слова бабка Березуха находит и произносит – с громкостью и неутомимостью хорошего оперного тенора, попавшего в древнюю Европу и поющего перед королевской семьей, а королевская семья так любит музыку, что собирается пожаловать певцу орден Григория Непобедимого второй степени, если певец пропоет еще часа полтора.

По поводу голосовых способностей Бабки Березухи случился однажды в Ыковке спор.

Специалист по лингвистике Рохоров Рохор сказал специалисту по семантике Метрову Метру:

– Вчера, представляешь ли, был счастливейший день в моей жизни как ученого.

Вчера я услышал и записал истинное шестнадцатизначное выражение в ее исполнении.

А, как утверждает официальная лингвистика, выражений выше пятнадцатого этажа в нашем языке построить невозможно. Это же открытие!

– Подумаешь! – ответил специалист по семантике Метров Метр, – я ее выступления записываю на магнитофон вот уже три месяца и сделал открытие почище твоего: она произносит только ложь, а так как лжей всегда несколько, то из них она всегда выбирает гнуснейшую – да с такой точностью, что мой компьютер не успевает ее проверить.

После этого они поспорили о том, можно ли говорить «лжей», но разошлись во мнениях. А арии свои бабка Березуха пела примерно один раз в два вечера, разнообразя досуг Ыковцев. Причины для арий она либо выдумывала, либо не выдумывала, если было недосуг и брехала просто так – как собака на луну.

Имела бабка Березуха драгоценность по нынешним временам – несколько кошек, которых она учила ходить строем. Если кошки ходили строем плохо, то била она их палкой – вот поэтому кошки у нее долго не держались, все пропадали как-то. С кошками бабка Березуха ела из одной тарелки борщ с синтетическим молоком – борщ для себя, а молоко для кошек.

Имела Бабка Березуха собачку. Собачка была беспородной и носила имя Нелька.

Была собачка умна не по-звериному и задумчива – от тяжелой жизни. Беспородную Нельку бабка Березуха чистила и мыла, и учила уму-разуму. Собачка Нелька слушала поучения и кивала головой, как будто соглашалась. Каждый вечер (до начала арии) бабка Березуха чисто вымывала беспородной Нельке причинное место (чтобы привадить местных кобелей), брала в руку палку и выходила на дорогу – туда, где покобелистее. Как только кобельки подбежали понюхать Нельку, бабка Березуха лупила их палкой и получала от того удовольствие. Не была бабка Березуха обласкана мужчинами, а потому мстила мужчинам, как умела. Но кобельки в Ыковке все больше попадают благородные и считают для себя честью получить удар за прекрасную даму – и поэтому от Нельки не отстают.

На лицо бабка Березуха страшна, так что описывать ее не стоит – если правду написать, то без валерьянки не прочтешь, да и с валерьянкой пульс до ста двадцати подскочит. Лучше всего смотреть на нее сзади с некоторого расстояния; сзади сразу бросается в лицо общая перекошенность и не в меру пушистая прическа.

Прическа эта имеет свою историю. Однажды Березуха зашла к соседке посмотреть на спутниковый телевизор: включила канал без спросу, канал заговорил по-польски.

«Вроде по-китайски он болтает, – промолвила Березуха, – но я ведь китайский превосходно знаю, а про что болтают не пойму.» «Это потому что ты debilка, – ответила соседка, – только у debilок голова конусом.» С тех пор и стала бабка Березуха распушивать прическу.

18

Оксана проснулась поздно ночью, в полной темноте. За окном дергался дальний луч автотранспортных фар. Невидимый автомобиль повернул, луч скользнул по окну, сделал видимой прозрачную занавеску и косой треугольник потолка. Ей показалось, что в комнате никого нет, совсем никого. Где я? И что я здесь делаю? Для чего я здесь?

– Эй! – позвала она. – Тут кто-то есть?

– Есть. Спи.

– Где ты?

– В кресле.

– Тебе негде спать? Ты бы мог бы, я не возражаю.

– Нет. Я думаю.

– Почему ночью?

– Я привык думать ночью.

– О чем?

– О том куда мы попали и что случилось с этим миром.

– Ну и что же ты придумал?

– Катастрофа.

– Да, катастрофа, – согласилась Оксана, – это я и сама поняла.

Молчание.

– Послушай, – спросила Оксана, – а что говорил тот человек? Он говорил, что тебя нет?

Что тебя убили?

– Да. Еще три года назад.

– А за что?

– Грабили дачу, насколько я понял, а я им помешал.

– А у тебя есть, что грабить? Очень непохоже, чтобы здесь что-то грабили.

Слишком все в порядке. И ты, когда вошел, узнал расположение вещей.

– Может быть, забрались случайно. Я ведь не могу о том знать. Меня там не было.

Я не помню всей жизни человека, – думал он, – человека, который был убит в этом мире, невинный. Люди поклонялись Христу, которого распяли, невинного – но мне больше жаль тех невинно убиенных, которые навсегда останутся неизвестными.

Человек умирает не только телом, он умирает в других людях – и потому Сын Человеческий вечно жив на земле; даже на такой мертвой земле, как эта; а тысячи неизвестных – мертвы. Я не помню того вечера, когда он заснул в последний раз, наверняка полный надежд и с радостью ожидающий завтрашний день (так обычно засыпаю я, если на душе не лежит очередной камень) и ему наверняка снились формулы, ведь он был ученым. Я не помню, как его разбудили, как ударили, как он оборонялся и почему не сумел защитить себя, я не помню, как ему хотелось жить в ту последнюю ночь. И я никогда не вспомню, потому что то – он, а это – я. И я никогда не смогу его спасти, потому что смогу уйти только в свой мир, а прошлое этого мира для меня заказано. Та жизнь невозвратима. Тот невинный человек абсолютно погиб и то, что я сейчас сижу здесь, живой, ничего не меняет. Я не могу простить этого убийства. Такие вещи прощать нельзя. Интересно, любил ли он звезды так, как их люблю я? И что мне делать с его воспоминанием о механической ящерице – просто забросить на дальнюю полку памяти? Я мыслю не по уставу. Влияние местности.

– Я все думаю, – сказала Оксана, – если тебя нет, то кто же сейчас сидит и говорит со мной?

– Я.

– Я понимаю, что ты. Но ты же остался там? В земле закопанный? Они разрезали твое тело и закопали. Потом оно совсем сгнило, остался только скелет.

А может, и скелета не осталось. Тогда кто сидит здесь?

– У меня не было тела здесь и я взял его оттуда.

Правильный вопрос. Если меня убили, значит, мое тело сгнило в здешнем грунте три года назад. Тогда чье же тело сидит сейчас в этом кресле? В этом кресле сейчас сидит то, чего не существует и не может существовать. Мое человеческое тело уничтожено. Значит, это не человек? Значит, моя душа надела на себя первое попавшееся, чтобы прикрыть свою наготу? И, если я не человек, то нужно ли мне есть, пить, дышать, спать? Я не хочу ни есть, ни пить, ни спать. Я все же дышу. А что если?

Он задержал дыхание и подождал минуты полторы. Дышать совершенно не хотелось. И игла, которая не прокалывала кожу – потому что это была нечеловеческая кожа? Дело не в игле?

– Эй! – снова позвала Оксана, – ты сидишь так тихо, что, мне кажется, тебя здесь нет. Мне страшно.

19

Утром, когда Оксана еще спала, он отправился в город, оставив ей ничего не объясняющую записку. Утренняя электричка мало чем отличалась от пригородных поездов позапрошлого века, которые он видел в исторических фильмах, только была чуть чище, с пластиковыми сидениями вместо деревянных, да еще приходилось компостировать талончик, как в древнем трамвае. На входе стоял человек в военной форме и светил фонариком в лицо каждому входящему. На билетике пришлось записать данные о себе. Для этого имелась специальная авторучка, закрепленная на прочном шнуре. «Зачем?» – чуть был не спросил он, но вовремя сдержался.

Совсем необязательно демонстрировать свое незнание обычаев. Например для того, чтобы после аварии легче было опознать тело. Форма заботы о пассажирах. Все пассажиры входили по одному. Семьи расставались на платформе и ехали в разных вагонах. А это я уже никак не могу объяснить, – подумал он.

Человек в форме направил фонарик и посмотрел, прищурившись. Судя по лицу, безнадежно туп.

В вагоне у дверей стоял еще один такой же – а еще Коре быстро нашел троих переодетых. Наблюдателей здесь прятать не умели. Или не хотели. В углах под потолком четыре камеры. Снимают со всех сторон. Стекла армированы, а на дверях замки. Сбежать из такого вагона не легче, чем из тюремной камеры.

Первой и главной задачей сейчас было выяснить содержание задания.

Арей, человек, убитый три года назад, что-то помнил. Коре время от времени сканировал его память, но находил лишь мелкие детали. Слишком многое стерто.

Правда остается информация о месте работы (лаборатория полимерных процессов им.

Кондратия Рылеева) и месте жительства. Еще намеки на нечто недозволенное. То был несчастный человек и погиб он тоже несчастно. Нужно расшифровать и восстановить его жизнь, найти документы, знакомых и предметы.

Сегодня под утро он сумел припомнить кое-что полезное: в Ыковке жил человек, с которым Арей был тесно связан. Нет, не партнер, а только дойная коровка. Полусумасшедший изобретатель бомб. Человек, который с детства одержим идеей взорвать всю планету и, таким образом, переустроить мир. За тридцать лет изобретательства тот человек сделал несколько оригинальных находок и попытался заинтересовать ими местные органы. Местные органы не заинтересовались. Такова уж особенность осиян, что они обожают смотреть вдаль, но ничего не видят у себя под носом. Арей, убитый три года назад, следил за бомбосозидателем и передавал своим все, что считал полезным. Но это не было его основным заданием.

Тот изобретатель жил в домике, огражденном высокой бетонной стеной. Все подходы к домику просматривались и контролировались. Под домиком – двухэтажный бункер, причем самый нижний этаж глубоко вкопан и сдвинут в сторону. Это и лаборатория и бомбоубежище. В домике не принимали гостей; Арей был единственным исключением. Надо бы наведаться туда и посмотреть, чего там гений наизобретал за три года. Но не это главное.

Но сначала в лабораторию, – думал Коре, – туда, где мог сохраниться тайник с документами. Потом домой. Если там меня не ждут, то я идиот.

Улицы города в семь утра были привычно пусты; мигалки светофоров просвечивались до самого центра. Утро казалось слишком теплым, потому что не было ветра и воздух имел привкус стоячей воды. У подъезда помпезного здания странно одетый человек рекламировал странную видеосистему, которую называл «следилкой». Одежда его состояла из красной рубахи, застегнутой сбоку, и синих штанов, заправленных в резиновые сапоги. Время от времени пробегали мелкие дети, все в одинаковой неудобной форме – и мальчики, и девочки. Каж-

дый мальчик нес заостренную палку. На фуражках инициалы «К. О.» Наверное, здесь нет ускоренного образования и детям приходится учиться по многу лет.

К половине восьмого он подошел к тому месту, где раньше стоял лабораторный корпус.

На месте лабораторий была пустая заасфальтированная площадка, огражденная ржавой железной сеткой. В сетке виднелись дыры, видимо проделанные неутомимыми детьми. В форме или без нее дети всегда одинаковы. Огражденный асфальт был разрисован мелками и осколками кирпича. Куча битого кирпича лежала здесь же.

Соседний дом (тот, в котором раньше была заводская столовая) сейчас просвечивался насквозь, стоял с выбитыми оконными рамами. Сквозь провалы были видны полуразрушенные перегородки внутри. На перегородках написаны стандартные слова. Еще одно доказательство тому, что люди не меняются – какие бы гены они ни имели.

Из ближнего дома (свежеоблеплен серым цементом, довольно аккуратно) вышла широкая женщина с лицом в повелительном наклонении, довольно стандартным лицом – наверняка директор школы, столовой или мелкой канцелярии. Лицо смахивало на бульдожье. В отличие от настоящих собачих подобные человеческие лица прекрасно умеют улыбаться – при встрече с начальством, например. Коре поднял кусок кирпича и стал царапать стену.

Пауза.

– Молодой человек!

Он не ответил.

– Молодой человек, я к вам обращаюсь!

Он не ответил снова.

– Я кажется с вами говорю или нет! – голос уже достаточно приблизился, окреп и налился гневными соками.

Коре обернулся.

– Что?

– Вы почему портите стену?

– А почему вы спрашиваете?

– Я попрошу ваши документы или я сейчас вызову патруль.

– А я попрошу ваши, – сказал Коре, – я не обязан предъявлять документы кому попало.

– Я не беру документы на улицу чтобы каждому показывать.

– Я тоже, – сказал Коре, – но, если я вас интересую, то пожалуйста – я из архитектурного управления. Мы сейчас рассматриваем несколько проектов строительства. Вот здесь (он показал рукой на асфальтовую площадку), здесь будет построен институтский лабораторный корпус.

– Его ведь только что снесли! – удивилась женщина.

– Не только что, а три года назад, – наугад сказал Коре.

– Нет, я точно помню, в позапрошлом. Неожиданно приехали и снесли. А что будет с нашими домами?

– Ничего. Мы только застраиваем площадку.

– А как же канализация?

– Знаете что? – спросил Коре. – Я просто не понимаю, почему вы об этом спрашиваете.

По Хановскому переулку было тоже самое, жители настояли и теперь у них все в порядке. Настойчивее надо быть. Но я вам этого не говорил.

– Спасибо, – улыбнулась женщина.

– Пожалуйста.

– Может быть, зайдём и поговорим?

– В следующий раз обязательно.

Итак, корпус снесли в позапрошлом. Еще одна нить оборвалась.

20

У него была небольшая квартира в городе.

По дороге туда он встретил знакомую кошмарную женщину, торговавшую пластиковыми шоколадками. Этот фрагмент памяти прекрасно сохранился: он идет в лабораторию, останавливается, замечает гения чистого уродства в подворотне и подходит из любопытства. Гений торгует пластиковым шоколадом, но продать одну пачку отказывается. Беспольный клочок чужого прошлого. В этот раз она стояла просто посреди дороги.

Ее физиономия была настолько знакома, что Коре захотелось поздороваться.

Женщина низкая, квадратная, в белых шнурованных сапогах выше колен, над сапогами алые шаровары, над шароварами черная кожаная юбка, над юбкой куртка, с разноцветными рукавами, над курткой огромный красный шарф, на лице губы темно-кирпичного цвета, искусственные волосы выжжены бледной краской. В левой руке женщина держала зонтик с концентрическими кругами четырех цветов, а в правой пачку из четырех шоколадин. Лет пятьдесят пять или чуть старше.

Физиономия предельно отвратительна.

– Здравсте.

– Слава Христу.

– Вы продаете шоколад?

– Очень дешево.

Коре протянул деньги.

– Я продаю только всю пачку сразу.

– И что, уже много купили?

– Ни одной.

– Тогда продавайте по одной штуке.

– По одной штуке я продавать не буду.

– Вы меня не помните? Мы с вами встречались.

Кошмарная женщина сфокусировала взгляд на отдельном представителе человеческого рода.

– Арчик, ты! Тебя уже выпустили?

– Извините, – сказал Коре, – мы оба обозначились. Я возьму у вас пачку.

Кошмарная женщина попробовала недодать копейку сдачи и действительно недодала.

Он медленно шел к дому и обдумывал то, что сумел разузнать за утро. Потом пошел быстрее – когда идешь медленно, твоя мысль цепляется за окружающие предметы, отвлекаясь. Итак, они снесли лабораторию. Как бы я поступил на их месте? Я бы уничтожил все те места, которые могут дать разгадку, но оставил бы одно. В том месте я бы оставил группу наблюдателей и поручил бы им ожидать меня. Очень логично. Достаточно найти это место и проверить. Оно должно быть где-то рядом. Мой городской дом – почему бы и нет? Прошло уже три года – они не будут достаточно внимательны. Они не будут внимательны лишь в том случае, если не знают, что я уже пришел. Но если бы знали, то взяли бы меня еще вчера.

Он подошел к своему дому по противоположной стороне улицы. Пятиэтажные дома стояли, покрашенные в белое с коричневым, похожие на спичечные коробки. Раньше пустоту между домами заполняли сухие деревья, но теперь от деревьев остались лишь пеньки, раскрашенные в черно-белую зебру – для удовольствия детей старались.

Один из детей копошился у самого подъезда, в траншее, вырытой в виде буквы П. Коре подошел. Ребенок был одет в форму. Этого мальчика Коре знал.

– Слава Христу, – сказал он, присев на корточки.

– Слава Христу.

– Ты почему не в школе?

– Я выполняю задание. Я рою п-образный окоп.

– Ты меня не знаешь?

– Нет.

– А я тебя знаю. Мы с твоим папой вместе работали. Он дегустатор, это как художник, но от этого толстеют. Правильно?

– Да.

– Знаешь, в этом доме живет моя подружка. Ты знаешь что такое подружка? Но у нее очень злющий папа. Ты можешь мне помочь?

– Пойти ее позвать?

– Нет, тебя же папа просто прогонит. Нужно передать зашифрованную записку – положить на коврик перед дверью, нажать звонок и убежать. Ладно?

– Ладно.

Коре достал блокнотик из кармана ветровки, вырвал листок и написал:

Привидения иногда возвращаются.

Арей.

– А вот эти четыре шоколадки тебе.

– Юные К.О. не едят больше двух шоколадок, – сказал мальчик и взял только три.

– А ты знаешь, как расшифровываются К. О.?

– Казаки-опричники. Меня приняли в прошлом году.

Мальчик вошел в подъезд, а Коре отошел к дому на противоположной стороне и стал за открытой подъездной дверью. Дверь была крупнощелистой, будто специально предназначенной для подглядывания. Ему не пришлось долго ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.